

№3

март 2026

РУССКИЙ КЛУБ

НАУЧИТЕСЬ РАДОВАТЬ И ДЕЛАТЬ СЧАСТЛИВЫМИ
ДРУГ ДРУГА. А ОГОРЧАТЬ ВСЕ УМЕЮТ.

Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДZE
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Александр ЭБАНОИДZE

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДZE
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽²⁴⁵⁾
март 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ОСНОВАТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЛЮБИТЬ ДЕЛОМ И ИСТИНОЙ
МИТРОПОЛИТ АНАНИЯ ДЖАПАРИДZE
- 10 ДОМ НАВСЕГДА
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 15 «НАДСОЗНАНИЕ – ТРУДНАЯ ДОРОГА, НО Я ИДУ ПО НЕЙ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ЦАРСКАЯ КОЛЬЧУГА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 22 НОСТАЛЬГИЯ
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 28 «МЕЧТАЮ ИГРАТЬ В СБОРНОЙ ГРУЗИИ»
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 31 СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ
ИРЕНА КЕСКЮЛЬ
- 32 Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ
МИХАИЛ АЙДИНОВ
- 38 ВЛАДИМИР ЧАВЧАНИДZE
ОМАР ШУДРА
- 40 ТЕАТР КАК СУДЬБА
- 43 ТОЛЬКО БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ
НАТАЛЬЯ КОЛОМОЙЦЕВА
- 48 КНИГИ ОТ АВТОРОВ, ИЛИ КОНЕЦ МОСКОВСКОЙ ЭПОПЕИ
НОДАР НИКУРАДZE
- 52 С МЕЧТОЙ О ПТИЦЕ СЧАСТЬЯ
НАТАЛЬЯ КОЛОМОЙЦЕВА
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке: ГРУЗИЯ ПРОЩАЕТСЯ СО СВОИМ ПАТРИАРХОМ
Фото: Шалва Сурамелашвили

от ДО

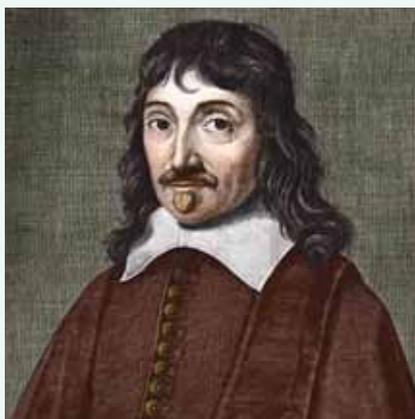
Роб АВАДЯЕВ

КОординАТЫ МУХИ НА ПОТОЛКЕ

Если бы Рене Декарт жил в наши дни, он стал бы героем интеллектуального блокбастера. В истории этого человека, родившегося 31 марта 1596 года, парадоксально уживались холодный расчет математика и авантюризм офицера-мушкетера. Он научил мир сомневаться во всем – кроме собственной мысли.

Мировая наука обязана своим прорывом... обыкновенной мухе и любви философа валяться в постели до полудня. Легенда гласит, что с детства болезненный Рене Декарт – выходец из старинного, но обедневшего дворянского рода – однажды, наблюдая муху на потолке, осознал: ее положение можно точно описать всего двумя числами – расстояниями от пересекающихся стен. Так из пустяка родилась знаменитая декартова система координат.

Этот дворянин, объединив алгебру с геометрией, создал язык, на котором сегодня «говорят» навигаторы в наших смартфонах, инженерные программы, а прежде – штурманы на капитанских мостиках. Так родилась аналитическая геометрия – новая математика, связавшая числа и фигуры. А в философии Декарт стал основателем целого направления – картезианства.

Но Декарт не был кабинетным изобретателем, увлеченным лишь математическими загадками. Он был профессиональным военным, был храбр и блестяще владел шпагой. Во время плавания во Фрисландию банда матросов, нанятого им судна, решила ограбить и убить «тихого» богатого пассажира. Декарт, понимавший их язык, мгновенно выхватил шпагу и с такой яростью прижал главаря к борту, что вооруженные бандиты в ужасе подчинились. Однажды – из-за дамы – он сошелся в дуэли с соперником. Легко обезоружив противника, Декарт приставил острие к его горлу, но из благородства не стал убивать, заметив, что «ничтожную жизнь не стоит забирать из-за женщины».

Смерть мыслителя в 1650 году в Стокгольме до сих пор окружена детективным флером. Официальная версия – пневмония. Декарт, привыкший к мягкому климату, был вынужден давать уроки философии шведской королеве Кристине в пять утра в холодных залах ее замка посреди зимы. Однако историки обсуждают и более мрачный сценарий – отравление мышьяком. Слишком радикальными были для современников идеи Декарта о том, что мир – это механизм. Они смертельно пугали церковных ортодоксов. Яд в причастной облатке мог стать тихим способом устранить самого опасного интеллектуала эпохи.

Рене Декарт оставил нам не только графики и формулы. Он оставил дерзость полагаться на собственный разум.

«Мыслю, следовательно, существую» – девиз, который пережил своего автора и стал фундаментом нашей цивилизации.

АДМИРАЛ «ЗОЛОТОГО ФЛОТА»

Почти за 60-90 лет до того, как каравеллы Колумба пересекли Атлантику, по Индийскому океану уже скользили тени настоящих морских левиафанов. В начале XV века Китай развернул, пожалуй, самую масштабную морскую экспансию своей истории. Во главе этой гигантской армады стоял человек удивительной судьбы – адмирал Чжэн Хэ.

Его флот поражал воображение современников. Под командованием адмирала находилось до трехсот судов и около тридцати тысяч моряков и воинов. Главной гордостью были девятимачтовые «баочуани» – корабли-сокровищницы длиной свыше ста метров. На их палубах могли бы одновременно разместиться несколько каравелл Колумба. Это были настоящие плавающие города с запасами шелка, фарфора и серебра, предназначенными для дипломатических даров, и даже с неболь-

шими огородами, где выращивали сою – средство против цинги.

Не менее необычной была и судьба самого адмирала. Он родился в мусульманской семье на юго-западе Китая, ребенком попал в плен, был ослеплен и отправлен служить во дворец. Однако редкий ум, выдающиеся способности и внушительный, почти двухметровый рост сделали его одним из ближайших соратников императора Чжу Ди. Бывший пленник-евнух стал главнокомандующим океанских экспедиций. За тридцать лет он возглавил семь грандиозных походов – от Индонезии и Индии до берегов Восточной Африки.

Политика Чжэн Хэ резко отличалась от поведения будущих европейских конкистадоров. Китай не стремился создавать заморские колонии. Задача флота состояла в другом – продемонстрировать могущество империи Мин и добиваться признания ее верховенства. Адмирал действовал методом мягкой силы, подкрепленной пушками. Если правители соглашались платить дань, их щедро осыпали подарками; если нет – огромный флот быстро менял там политическую ситуацию.

Из своих путешествий адмирал привозил в Китай не только золото и пряности, но и диковины. Когда однажды в Пекин доставили жирафа из Восточной Африки, придворные объявили его мифическим существом цилинем – знаком небесного благословения для императора.

Но после смерти Чжэн Хэ в 1433 году курс империи резко изменился. К власти пришли конфуцианские консерваторы, считавшие морские экспедиции бесполезной роскошью. Китай закрылся от мира. Огромные корабли сгнили в гаванях, а карты и журналы экспедиций были уничтожены. Так завершилась самая грандиозная морская программа средневекового Востока. А Чжэн Хэ остался в истории как адмирал-дипломат, показавший, что можно быть властелином океана, не превращая чужие берега в выжженную пустыню.

САМАРСКИЙ ПИВОВАРЕННЫЙ ЗАВОД

23 февраля 1881 года в Самаре на берегу Волги начал работу новый пивоваренный завод. Принадлежал он австрийскому предпринимателю Альфреду фон Вакано – человеку энергичному и явно понимающему толк в хорошем пиве. Уже через два месяца он вместе с компаньонами зарегистрировал «Товарищество Жигулевского пивоваренного завода в г. Самаре».

Завод быстро стал одной из архитектурных достопримечательностей города. Его главное здание из красного кирпича, построенное на волжском берегу, напоминало скорее старинный европейский замок, чем промышленное предприятие. И сегодня этот монументальный корпус остается одной из узнаваемых панорам старой Самары.

Дело шло на удивление успешно. В первый год предприятие выпустило около 75 тысяч ведер пива. А спустя три десятилетия продукцию самарского завода уже пили в шестидесяти городах Российской империи. Годовой выпуск достиг 2,5 миллиона ведер, и предприятие заняло третье место среди крупнейших пивоваренных заводов страны.

До революции здесь варили вполне европейские сорта – «Венское» и «Мюнхенское». Само же «Жигулевское» появилось значительно позже, уже в советское время. После революции завод национализировали, а самого фон Вакано фактически выдворили из России. Новая власть не жаловала иностранные названия. По распоряжению наркома пищевой промышленности Анастаса Микояна «Мюнхенское» переименовали в «Украинское», а «Венское» стало «Жигулевским».

Есть и одна деталь, о которой любят вспоминать старые самарцы. Альфред Филиппович фон Вакано очень гордился водой, на которой варилось его пиво: ее специально привозили из источников в Жигулевских горах. Считалось, что именно она придает напитку особый вкус. В советские годы с такими тонкостями уже не церемонились – воду для

пива просто брали из городского водопровода.

И еще одна маленькая городская история. В советское время напротив заводских ворот работала знаменитая пивная, куда водили гостей «на самое свежее пиво». Помню, как однажды нас пригласили туда около полудня и хозяева виновато извинялись: «Простите, пиво уже не совсем свежее – его утром привезли».

НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ СОКРАТА

15 февраля 399 года до н. э. в Афинах завершился процесс, который навсегда остался шрамом на репутации античной демократии. Суд присяжных – гелиэя, состоявшая из 501 гражданина, – приговорил к смерти семидесятилетнего философа Сократа. Человека, не написавшего ни одной книги и не построившего ни одного храма, признали опаснее вражеской армии.

Формулировка обвинения звучала сурово: введение новых божеств и развращение молодежи. Под «развращением» имелось в виду обучение опасной привычке – сомневаться и задавать неудобные вопросы. Голоса судей разделились почти поровну: 281 против 220.

По афинским законам Сократ мог предложить собственную меру наказания. Вместо просьбы об изгнании философ с привычной иронией предложил наградить его пожизненным обедом в Пританее – почестью, которой удостоивались победители Олимпийских игр и герои войны. Судьи восприняли это как дерзость. Приговор был подтвержден.

До Сократа греческие мудрецы рассуждали главным образом о космосе – о природе звезд, стихий и материи. Сократ первым повернул философию к человеку. Его знаменитый призыв «Познай самого себя» звучал не в стенах школы, а на улицах и площадях Афин. Он не читал лекций и не писал трактатов. Он беседовал.

Метод Сократа был прост и опасен. Он задавал вопросы. И делал это так, что собеседник постепенно сам приходил к истине – или обнаруживал собственное невежество. Эта интеллектуальная тактика, позже получившая название «сократический метод», превращала обычный разговор в маленькое философское расследование.

Внешность философа никак не соответствовала греческим представлениям о красоте. Сын каменотеса и повитухи, он был коренастым, с приплюснутым носом, выпученными глазами и тяжелой фигурой, напоминавшей статуэтку сатиров. Но именно вокруг него собиралась

самая блестящая молодежь Афин. Среди его учеников был Платон – будущий создатель одной из величайших философских систем Европы.

Когда Дельфийский оракул назвал Сократа мудрейшим из людей, философ попытался решительно опровергнуть это утверждение. Он принялся беседовать с признанными умниками города – поэтами, политиками, ремесленниками – и постепенно пришел к парадоксальному выводу: он мудрее их лишь потому, что осознает собственное незнание. Отсюда и его знаменитая формула: «Я знаю, что ничего не знаю».

Сократ был не только философом. Он служил гоплитом и участвовал в войнах Афин. Современники вспоминали его невероятную выносливость и мужество в боях при Потидее и Делии. Говорили даже, что однажды Сократ спас жизнь молодому военачальнику Алкивиаду. С этим талантливым и блестящим юношей, ставшим его учеником, философ связывал большие надежды, считая его будущей опорой Афин. Чтобы заставить его серьезнее заниматься, Сократ порой буквально стаскивал красавца с ложа прекрасной гетеры и тащил на беседы о добродетели. Но, как говорится, не в коня корм: Алкивиад стал знаменитым полководцем и всю жизнь метался между враждебными лагерями, попеременно оказываясь то спасителем Афин, то их врагом. Впрочем, это уже совсем другая история.

Смерть Сократа стала его последним уроком. Ученики подготовили план побега, но философ отказался. Он не захотел нарушать законы города, в котором прожил всю жизнь.

Чашу с ядом – цикутой – он принял спокойно, почти так же, как обычно принимал участие в беседах на афинской агоре. Когда один из учеников сокрушался о несправедливости приговора, Сократ лишь усмехнулся: «А тебе было бы приятнее, если бы я был осужден справедливо?»

Он ушел, не оставив ни одной написанной строки. Но его ученики сохранили память о его разговорах. Платон и Ксенофонт записали эти диалоги, и благодаря им имя Сократа живет уже более двух тысяч лет.

Сократ изменил направление европейской мысли. Он первым задал самый опасный и простой вопрос для любого общества: «А почему вы уверены, что правы?»

ЛЮБИТЬ ДЕЛОМ И ИСТИНОЙ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГРУЗИНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ

■ Митрополит Анания ДЖАПАРИДЗЕ

Перевод: Владимир ДОЛИДЗЕ, Натела ХУРЦИЛАВА

ОТ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ДО РУИССКО-УРБНИССКОГО СОБОРА

I ВЕК

Грузинская церковь – это неотделимая часть Вселенской (всеобщей) церкви, поэтому ее история является частью истории Вселенской церкви. История грузинской церкви является составной частью истории Грузии. Грузинская церковь всегда выступала направляющей силой духовной жизни народа. По словам св. Ильи Праведного (Чавчавадзе): «Грузинская

Водопад св. Андрея Первозванного в селе Сарпи

церковь всегда защищала наш народ, никогда не забывая его славу».

Грузинскую церковь справедливо называют «Грузинской православной церковью», но вместе с тем, с давних пор она именуется «Грузинской Апостольской церковью», ибо ее основали апостолы Христа – в древней Грузии деяния и проповедования св. Андрея Первозванного и других апостолов были признаны несомненной истиной.

В новое время, особенно в начале XX века, проповедание в Грузии св. Андрея Первозванного было объявлено легендой. Одним из аргументов такого утверждения приводился тезис о том, что Иберия будто бы была незначительной страной и она не могла привлечь внимание апостолов. В действительности, с 30-х годов I века по 60-е годы II века, т.е. в эпоху апостолов, Иберия была сильным государством, охватывающим фактически почти все Закавказье. Римские историки Тацит, Дион Кассий и другие в своих сочинениях с удовольствием уделяли место описанию полнокровной жизни Иберии. Европейцы Средневековья лучше знали Иберию античных времен, чем Грузию своего времени. Сведе-

ния древних историков об Иберии подтверждаются данными археологических раскопок в различных уголках Грузии.

По преданию, после Вознесения Христа апостолы бросили жребий – кому в какой стране проповедовать. «Картлис Цховреба» («Житие Грузии», исторический источник VIII-XI вв.) гласит, что Грузия досталась Богоматери, но по велению Сына, Господа нашего, она вместо себя в Грузию направила св. апостола Андрея Первозванного, переслав с ним свою нерукотворную икону. При св. апостоле Андрее грузины приняли христианство. Он основал епископскую кафедру в городе Ацкури, назначил там епископа и оставил несколько священников и дьяконов. Фактически это означало зарождение грузинской церкви со своей иерархией.

При втором посещении Грузии св. апостола Андрея сопровождали и другие апостолы, а при третьем – с ним были Симеон (Свимон) Кананит и Матфий. Об этом сообщает Эпифан Константинопольский (VIII в.).

В XI в. Эфрем Мцире, опираясь на греческие источники, писал, что в нашей стране проповедовал и апостол Варфоломей. Того же мнения придержива-

ется и Арканджело Ламберти, а по одному славянскому источнику XVI века, грузинскую церковь основал апостол Фома. По другим историческим источникам, в Грузии проповедовал и апостол Фаддей.

В Грузии побывали и проповедовали апостолы не только из числа 12-ти, но и 70-ти апостолов.

По церковному преданию, из двенадцати апостолов в Грузии проповедовали шесть, в частности Андрей Первозванный, Симеон (Свимон) Кананит (зилот), Матфий, Варфоломей, Фома и Фаддей (Тадеоз). Могилы двух апостолов – Симеона (Свимона) Кананита и Матфия и ныне показывают в Грузии (в Новом Афонe и близ Батуми, в крепости Гонио).

Церковь, основанная апостолами, где бы она ни находилась, считается автокефальной, следовательно, первоначальная грузинская церковь со дня основания самобытна.

II ВЕК

В I-II вв. в Иберии, как и в Римской империи, христианство еще не стало государственной религией, но оно постепенно распространялось и крепло.

В источнике VIII века «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе указывается, что грузины стали христианами уже со II-III веков. Это подтверждается и археологическими материалами. Например, археологи обнаружили достоверный след существования в Грузии христианского населения еще до прихода св. Нино. Существованием во II-III вв. христианского способа захоронения подтверждается предположение о том, что в Грузии с I-II вв. (со времен Апостолов) до проповедования св. Нино непрерывно существовала христианская церковная организация. Следует полагать, что в тогдашней Грузии значительным влиянием пользовались христианские общины. Основанием для таких предположений являются реформы царя Грузии III века Рева Праведного (Ревы Мартали).

Грузия I-III вв. представляла собой арену для миссионерства (по сведениям греческих и латинских историков), и мировые

христианские центры не оставляли ее без внимания. Так, в одном источнике говорится: «Та часть Иберии, которая расположена у Понтийского моря и зовется Колхидой, еще во времена императора Траяна ознакомилась с Евангелием с благословения святого Климента, посланного в эти края».

По Иринею, грузины (иберы), называемые колхами (по географическому местоположению), приняли христианство еще до правления императора Траяна (98-117). По тому же источнику, грузины, проживающие в Кавказских горах по направлению Каспийского моря (имеется в виду население Восточной Грузии), приняли христианство позже. Это полностью соответствует данным «Картлис Цховреба», где говорится, что из грузин христианство первыми приняли жители Западной Грузии – мегрелы и кларджи (жители Юго-Западной Грузии).

Св. Юстин (около 150 года) утверждал, что не было на земле места, где бы люди (даже варвары) не молились распятому Иисусу Христу. Ту же мысль высказывает и Иринея.

Тем более миссионерское движение не могло обойти стороной Иберию, которая с 30-х

Царь Фарсман II

годов I века по 60-е годы II века включительно была сильным государством.

В I-II вв. три государства – Рим, Иберия и Парфия – вели спор из-за обширных земель на юге Закавказья. Иберия была настолько сильна, что могла без помощи римлян победить Парфию. Она несколько раз одерживала победу над парфянской армией. Поэтому Рим опасался все большего усиления Иберии (Картли).

В 30-50 годы II века в Картли (в Грузии) царствовал Фарсман II, называемый Фарсманом Квели (Доблестный). «Во времена Фарсмана II Картли, как видно, уже открыто, не маскируясь, борется с Римом, пытается изгнать римлян из Колхиды и других соседних территорий. Вместе с тем в этом деле Фарсман II не ищет поддержки парфян. Картлийские правители, вероятно, смело противостояли Риму и Парфии одновременно» (Г. Меликишвили. Очерки истории Грузии).

Император Адриан всячески старался улучшить отношения с царем Грузии, но Фарсман не шел на уступки. Он высокомерно отказался от приглашения императора и не поехал в Рим. Биограф императора Элий Спартиан пишет, что Адриан послал грузинскому царю огромное количество дорогих подарков.

При следующем императоре Антонине Пие (133-161) Фарсман II с супругой и большой свитой отправился в Рим, где ему устроили торжественную встречу. По Диону Кассию, император «расширил его владения». Видимо, Рим не только признал уже существующие границы Иберии, но и прибавил к ним другие земли – Причерноморья и Армении. Почетному грузинскому гостю было позволено принести жертву в Капитолии. Император присутствовал на военных играх Фарсмана, его сына и других представителей грузинской знати. В Риме была установлена конная статуя Фарсмана. Его прибытие в Рим, согласно биографу Антонина Пия Юлиану Капитолину, было воспринято как знак уважения к императору. Визит Фарсмана произвел настолько силь-

ное впечатление в Риме, что о нем возвещалось в начале городской хроники (ежедневной сводки новостей, высеченной на камне или металле и выставленной на Римском форуме). Об этом свидетельствует надпись на мраморной плите, найденной в древнем римском порту.

Из вышесказанного следует, что Грузия в эпоху апостолов, в I-II вв., была сильным и богатым государством, с обширными границами, передовой экономикой, высокоразвитыми общественными отношениями. Так что трудно представить, чтобы она не была достойной внимания апостолов и миссионеров.

III ВЕК

Миссионерская деятельность проповедников христианства в Иберии продолжалась и во II-III вв. Появление здесь христианских общин Иванэ Джавахишвили датирует именно первой половиной III века.

Вместе с территориальным расширением страны возрастает и влияние христианских общин. Реформа царя Рева Мартали дает нам основание считать, что к этому времени влияние христианского учения распространилось и на царский двор.

В III веке, в 261 году, император Галлиен издал указ о признании христианства. Почти за полвека до этого подобным же образом поступил царь Иберии Рев Мартали (скончался в 213 году). Он был знаком с Евангелием, был милосердным и милосердным ко всем, хотя оставался язычником. Кровавые жертвоприношения в Риме были отменены императорами лишь в III веке. В Грузии их официальная отмена в государственном масштабе стала возможной раньше. Древний исторический источник этот благородный поступок приписывает Реву Мартали.

Существование в Грузии в II-III вв. христианских общин подтверждается и археологическими материалами. А. Бохочадзе пишет о наличии в III в. христианской церкви в долине Настакиси: «...в долине Настакиси в раннем Средневековье были и более крупные поселения, о чем

свидетельствуют найденные при раскопках руины построек. Жилища состояли из многих комнат и одного большого зала. В подобных постройках одна комната представляла собой малую церковь, с четко выступающей абсидой и нартексом. В этот период христианство еще не объявлено официальной государственной религией, оно находится на нелегальном положении и находит приют в жилых постройках. Этот факт имеет большое значение для изучения истории христианской религии в Картийском царстве».

Вызывает интерес принцип устройства подобных церквей. Разумеется, христиане, жившие в Грузии II-III вв., нуждались в духовенстве, так как без его участия невозможно проведение крещения, исповеди и других христианских обрядов.

В первую очередь следует отметить, что христианские общины в разных городах или в разных кварталах не подчинялись друг другу. Не существовало единой христианской церкви с одним центром и единым управлением, хотя были епископы. Заметим также, что в эпоху апостолов и позже священнодействие проводил епископ, и священника называли епископом.

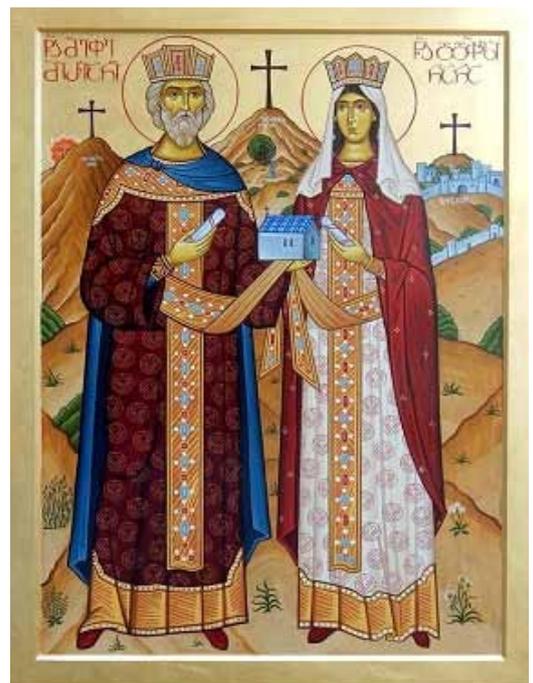
В заключение можно сказать, что в Грузии христианская церковь и паства (христианские общины) наличествовали непрерывно с I по IV век. Именно в этот период была создана благодатная почва, которая способствовала успешному осуществлению миссии св. Нино в Грузии.

IV ВЕК

Объявление христианства государственной религией в Грузии в IV веке не было неожиданным, навязанным актом, оно основывалось на трехвековой традиции обитания христиан в стране. Св. Нино было трудно обратить в христианство грузинский народ, не будь подготовлена апостолами почва для всеобщего исповедания христианства. Это нашло свое отражение и в жизни св. Нино, когда ей объявляется, что в Грузии «жатвы много, а деятелей

мало» (Матфей 9,37; Лука 10,2). Это означает, что посеянные апостолами в Грузии семена Евангелия на протяжении веков подготовили народ для всеобщего крещения.

Древнейший грузинский источник «Мокцеваи Картлисаи» (IV-IX вв.) рассказывает об обращении грузин в христианство. Первая его часть представляет собой историческую хронику, написанную в разное время. Вторая часть – «Житие св. Нино», написана независимо от первой части предположительно в IV веке. Из этой редакции явствует, что рассказ Нино записали Саломе Уджармели и Перожавра Сивнели в поселке Боди (Бодбе). Три известных историка – Н. Марр, Ив. Джавахишвили и К. Кекелидзе – данное сочинение относят к IX веку, однако у нас нет никакого повода не верить источнику. Это подтверждается одним интересным фактом: во второй половине IV века в Византии находился внук Саломе и Рева (сына царя Мириана), царевич Бакур, сын Трдата. Он рассказывал известным византийским историкам Геласию Кесарийскому и Руфинусу об обращении в христианство грузин. Этот рассказ является своеобразным сокращенным вариантом «Жития святой Нино». Геласий Кесарийский в своей «Церков-

Царь Иверский Мириан и царица Нана

ной истории» описал обращение Грузии. К сожалению, это сочинение считается утерянным. Однако сведения о нем сохранились в трудах поздних авторов. Старший из них – римский церковный историк Руфинус (сконч. в 410 г.) перевел и включил справку Геласия Кесарийского об обращении Грузии в христианство. Ссылаясь на Руфинуса, это событие передает и греческий историк V в. Сократ (род. в 380 г.) в своей «Церковной истории». В сочинении под тем же названием другого греческого историка Теодорита Квирского (род. в 390 г.) пересказана та же история. Рассказ об обращении Картли (т.е. Грузии, Иберии) передает еще один греческий историк – Созомен. Он ссылается непосредственно на Руфинуса. Греческий историк V в. Геласий Квизикский также пользовался «Историей» Геласия Кесарийского.

«История» Геласия Кесарийского, которой позднее широко пользовались греческие и римские историки, была написана в конце IV в., всего полвека спустя после обращения Грузии. Весьма примечательны сведения Геласия о том, что о принятии христианства в Грузии он узнал от одного из представителей иберийского царского дома – Бакура. Оттуда следует, что древнейший грузинский источник, повествующий об обращении грузин, составлен в IV в., и автор этого сочинения – бабушка Бакура, Саломе Уджармели. Считается, что именно на это сочинение опирался ее внук Бакур в беседе с греческими историками.

В каком году пришла св. Нино в Грузию и обратила в христианство весь грузинский народ? Убедительный ответ на этот интересный вопрос дают св. отцы Руисско-Урбнисского Собора (XII в.) – в постановлении Собора они пишут, что св. Нино обратила в христианство всех грузин, а до того св. Андрей Первозванный проповедовал по всей Грузии.

Св. Нино пришла в Грузию в 303 году. В 317-318 гг. грузинский царский дом объявил христианство государственной религией, а в 324-326 гг. народ

«Обращение Грузии»

был массово крещен.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что историк Вахушти Багратиони обращение Картли датировал 317 годом. Такого же взгляда придерживались Д. Бакрадзе и Ив. Гварамдзе.

Датой обращения Картли считали 318 год П. Иоселиани, Г. Сабинин и Р. Цамциев.

Датой благословения главой грузинской церкви епископа Иоанна историк В. Голадзе называет 324 год, полагая, что грузинская церковь по происхождению не антиохийская, а каппадокийская (Понтийский диоцез). Это предположение весьма убедительно, поэтому должны быть восстановлены указанные Вахушти Багратиони даты: обращение Картли – 317-318 гг., а организация грузинской церкви и крещение народа – 324-326 гг.

В IV веке сформировалась единая грузинская церковь, в юрисдикцию которой, согласно

письменному памятнику Руисско-Урбнисского Собора, входили обширные земли, которые включали как Восточную, так и Западную Грузию. По определению данного Собора, св. Андрей проповедовал не в одной местности, а по всей Грузии, а св. Нино освятила не только население Восточной Грузии, но и весь грузинский народ. Согласно этому Собору, в Западной Грузии свою юрисдикцию осуществляла грузинская церковь с момента своего создания. Следовательно, утверждение, что в Западной Грузии была основана греческая митрополия со своими епископскими кафедрами, неверно. Известные епископские кафедры Лазики, согласно труду Н. Адонца, находились не в Западной Грузии, а в Трапезундской области (ныне тер. Турции).

(Печатается с сокращениями)
Продолжение следует

Фото Дмитрия Зверева. 2025

ДОМ НАВСЕГДА

Документальный роман

— Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Продолжение

ПУТЬ К «ДОМУ, ГДЕ ЖИВЕТ БУЦА»

Мне действительно предстояло вернуться в «Дом, где живет Буца», хотя и не «завтра», как надеялась. Я была страшно занята.

В том феврале весь мой мир перевернулся, началась, да нет, как раз еще даже и не началась *другая жизнь*, я как раз была занята поспешным жизнеустройством — для нас с дочкой. Ее в конце марта (начале весенних каникул) должны были привезти из Перми в Тбилиси. Я приехала с одним чемоданом, спала на раскладушке, выданной соседкой тетей Тоней, торопилась с ремонтом, который делала сама, искала школу для моей второклассницы... И очень надеялась, что к тому времени с малой скоростью по железной дороге приползет контейнер с

нашими вещами. Ну и — работа по договору в отделе культуры тбилисской русскоязычной «Вечерки». О ней я еще расскажу.

При всей этой суете и маяте — нет, я не забыла, что *хотела* вернуться в «дом, где живет Буца»! В тихие анфилады пустых комнат, где в первой стоял инкрустированный перламутром китайский шкафчик, а затем выйти на веранду и, пусть издали, но увидеть «дом, который построил Буца»...

Однако, вот в чем дело: дорогу к этому дому — я не запомнила. И адрес не знала. Лишь через какое-то время, мало-мальски разобравшись в устройстве центра Тбилиси, я догадалась, что старый пустой дом, раз уж он стоит на левом высоком берегу Куры, «на самой бровке», следует искать за Метехи, в Авлабаре!

Виктор (Буца) Джорбенадзе. 1984.
Фото Анны Бердичевской

И однажды, в день уже почти или совсем мартовский, я, «корреспондент на договоре», отнесла в редакцию несколько информации и фотографий. А с приближением сумерек набралась смелости повторить маршрут Гиги Батишвили и его голубых «Жигулей» с разбитой фарой. На этот раз – без Гиги и пешком. С Колхозной площади, что напротив Старого города, двинулась к мосту Бараташвили. Помню, что у моста встретила старушку в черном, торгующую крохотными букетиками фиалок. Подумала – хороший знак. Один букетик купила и пошла себе дальше, на другой берег. Но к середине моста почувствовала что-то неладное... Остановилась, посмотрела вниз, за перила. Реки под мостом не оказалось! Куру спрятал туман, непроницаемый и холодный.

Ускорила шаг и уже на левом берегу поняла, что речной туман следует за мной. Я почти побежала мимо «мокрой скалы», затем вверх по Винному подъему. Но туман догонял – и догнал меня, обволок, окутал с головой. Вот тебе на!.. Только редкая череда зажегшихся фонарей указывала какой-то путь. Но туда ли, куда мне нужно?.. Прохожих было мало, и те проплывали как тени. Да и что с них спросишь – я ведь и нужный адрес назвать не смогла бы...

Вот тогда, в тумане и в полном замешательстве, я услышала отдаленные вопли пронзительно-печальной музыки. Звуки раздавались какие-то небывало горестные... Добрела до перекрестка – и музыка завопила мне прямо в лицо. Загадочные духовые инструменты рыдали в безмерном отчаянии, жаловались лично мне! Редкие, гулкие удары барабана сопровождали их...

Для меня, выросшей в клубе, где за стенкой каждый вечер репетировал духовой оркестр, казалось бы, ничего мистического в духовой музыке быть не могло. Даже к траурному маршу Шопена я привыкла. Разве что «Прощание славянки» меня трогало за душу, там звучали печаль с разлукой... Но от ЭТОЙ inferнальной музыки просто волосы становились

Авлабар. Фото Анны Бердичевской дыбом и разрывалось сердце! Меня шарахнуло от нее вправо. Скрывшись за фонарным столбом, едва переведя дух, я разглядела туманную процессию, как мне подумалось, похоронную... Однако, в самом ее начале оказался не катафалк с покойником – из тумана проявился довольно-таки лохматый-бородатый человек, закутанный в шарф. В руках он торжественно нес ящик, из которого к небесам вздымалась огромная изогнутая труба... Граммофон!

Однако, музыка рвалась не из этой трубы, граммофон-то как раз помалкивал. А вот человек, несший его сквозь колеблющийся туман, на ходу покрикивал на круживших рядом оператора с кинокамерой и осветителя с фонарем:

– Ваи ме, как красиво!.. Бичо¹, быстрее бегай, не зевай... Ара-ара²!.., не так! Слушай ритм... Че-че-че³! Лови свет и туман, вах, как он клубится!..

Следом брели музыканты, все в черном – с короткими черными дудками и в черных картузах. Позади – мальчик с большим барабаном. Те, что с дудками, чудовищно раздувая щеки, продолжали терзать окрестности звуками конца света... Эта музыка в тумане хотела меня убить...

Но я осталась жива исключительно потому, что вдруг вспомнила необходимое слово:

¹Бичо (груз.) – парень.

²Ара (груз.) – нет.

³Че (арм.) – нет.

⁴Дудукисты – музыканты, играющие на старинном, широко распространенном в Грузии духовом инструменте – дудуки.

⁵В те «застойные» и бедные времена запирались, похоже, не имело особого смысла (прим. автора).

ДУДУКИСТЫ⁴! Мне сразу же полегчало.

НВ. Как это важно – внезапно отыскать или вспомнить для непонятного и страшного – слово. Название!.. Страхи бояться точного слова.

Процессия расплывающейся темной кляксой стекла мимо, вниз к реке. Двое-трое зевая, как и я, смотрели ей вслед.

Туман ли ослаб, или что... но я очнулась. И открылось, что стою как раз на верном пути! Я обошла слева храм Метехи (он был еле виден), повернула на старую улочку и пошла по ее влажным булыжникам. И скоро на правой ее стороне появилось знакомое здание и каменное крыльцо в три ступени, и та самая старинная дверь. Я – пришла! Окна в доме светились...

Вот такой на этот раз выпал случай. Дудукисты и человек с граммофоном вытолкнули меня из тумана к «Дому, где живет Буца»...

АВЛАБАР И «ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ»

Дверь была приоткрыта, я вошла, не пытаясь стучать, как к себе домой⁵. И застала уже вовсю творящийся ремонт-с-переездом в одном стакане. Вот он – Китайский шкафчик!.. Но появилась и неведомо откуда взявшаяся разнообразнейшая утварь. Воронцовский мебель-

ный гарнитур из карельской березы, зеркала со старинной амальгамой, люстры, кресла, картины в рамах – стояли они где и как попало, а некоторые особо ценные предметы были накрыты заляпанными газетами и бязью. В дальних комнатах плотники, несмотря на поздний час, сбивали доски столетних щелястых полов.

От грохота я спаслась на веранде. По ней, не обратив на меня никакого внимания, бродили два парня, оба с карандашами за ухом. Похоже, они замеряли расстояния меж деревянных колонн... На этот раз обратила внимание на то, что и колонны были крайне ветхими, а балясины перил вообще не все сохранились. Но я бесстрашно вышла к этим перилам, посмотрела налево и вдаль, как в прошлый раз это делал Виктор Николаевич Джорбенадзе...

К моему глубокому удивлению, дом на холме был на месте, туман его не съел.

Насмотревшись, я так же бесстрашно пошла искать хозяйина.

Обнаружила его в небольшой комнате, где, неожиданно для меня, царил почти домашний уют. Там были тахта с подушками, ковер, журнальный столик с настольной лампой под зеленым абажуром. А на стене в золоченой багетовой раме висела старинная турецкая или персидская дворцовая парсуна, века так 17-го, с чернوبرовой дамой в красном халате, в шальварах и в туфлях с загнутыми носами...

Виктор Николаевич Джорбенадзе, он же Буца, поднял на меня глаза, оторвавшись от толстого фолианта. Первое, что он сказал, было:

– Выходили на веранду?.. Дом на холме проверили?..

Я подтвердила. И еще сказала, что хотелось бы там побыть... что-то в таком духе. Я и сама-то себя не услышала – такой за дверью раздался грохот. Не знаю, расслышал ли меня батоно Буца, но он встал, молча взял меня за руку и молча повел к выходу.

На тихой улице выяснилось, что у Виктора Николаевича есть машина «Нива», без сомнения выдавшая все возможные и невозможные виды, но по тем временам почти что новая, то есть – на ходу, да еще и все фары на месте. Цвет у «Нивы» был маскировочный – пыльный хаки. Буца сказал, что сейчас, по позднему времени, обязан доставить меня к моему дому, заодно и поговорим.

И мы действительно отправились в боевой машине архитектора на мой Московский проспект, к пятиэтажке возле танкового завода.

Знала бы я, сколько много мне еще предстоит колесить по просторам Грузии с тбилисскими друзьями – с архитекторами и не только...

НЕ СЛУЧАЙНЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ

На том, вроде бы и недолгом ночном пути, мне достались от Буцы⁶ некоторые разъяснения о «страхах, чудесах и случайностях», случившихся в тот вечер со мною. В «Ниве» я поведала профессору, как в крошечном тумане и не зная адреса, все же нашла «дом, в котором живет Буца» – благодаря человеку с граммофоном и процессии дудукистов.

Ничуть не удивившись, профессор пробормотал задумчиво:

– Тени забытых предков...

Я знаю, кто был этот, с граммофоном, его зовут Сергей Параджанов... Все в мире считают его великим кинорежиссером. В общем, я с этим согласен. Во всяком случае, таких, как он, в мире кино нет. Он мой старинный знакомый... Иногда – друг. Что не мешает нам всю жизнь смертельно ругаться... Сейчас мы не в лучших отношениях, он выманил из моей коллекции несколько лучших тушинских ковров, якобы на неделю – и не отдает... Он был у меня, рассказал, что репетирует сцены из будущего фильма о Нико Пиросмани⁷ – вдруг там зачем-то понадобятся тушинские ковры... Пленки на студии не дают, ведь Параджанову, разумеется, нужен исключительно американский «Кодак»... Вот он и репетирует, без пленки и при любой погоде...

Я от этого объяснения вздрогнула. Параджанов, Пиросмани... Тени в тумане.

NB. *О Сергее Параджанове с конца шестидесятых вещало не только всезнающее «сарфанное радио», но и журнал «Советский экран»... Но, что гораздо важнее – в юности я видела его фильм «Тени забытых предков»⁸! (Сколько же прекрасных фильмов я видела, живя в комнате за экраном в деревенском клубе!..) Один из них – «Тени забытых предков» – был совершенно ни на что не похожей мистикой. Как и встреча в тумане на Винном подъеме... Мистика. Перенос в другое пространство и время...*

Буца то молчал, рулил и курил, то, выбросив в окно окуроч, продолжал говорить.

–...Я живу вовсе не в Авлабаре, а на улице Долидзе, с мамой Любой и племянником Ираклием... В Авлабаре же, откуда я вас везу, не слишком понимая куда – уж ни в Африку ли?.. Да, так в Авлабаре, в старом доме, где грохочет ремонт, будет открыт «Музей истории тбилисского интерьера». Интерьер составят предметы из моих коллекций... Я собираю их по всей Грузии, от Батума до Кахетии. Из Тушетии привез войлочные ковры невероятной красоты... Лучшие и уволок к себе этот наш гений, Сержик... Возможно, до конца жизни мне

⁶Буца – я никогда так к Виктору Николаевичу не обращалась, всегда по имени-отчеству. Но про себя называю его именно так (прим. автора).

⁷Параджанов действительно снял в 1985 году 20-минутный фильм «Арабески на тему о Пиросмани», видимо, «Кодак» нашли. Но съемки с процессией дудукистов в него так и не вошли... (прим. автора)

⁸«Тени забытых предков» – советский художественный фильм Сергея Параджанова по мотивам одноименной повести Михаила Коцюбинского. Снят на киностудии им. А. Довженко в 1964 году. Приз ФИПРЕССИ на МКФ в Мар-дель-Плата в 1965 году, премия Британской киноакадемии в 1966 году, специальный приз на ВКФ в Киеве в 1966 году.

М. Мастрояни и В. Джорбенадзе в гостях у С. Параджанова. 1987. Фото Юрия Мечитова

предстоит охранять коллекции божественного старья, их систематизировать, вести научную работу... и засыпать, сидя на стуле.

Иногда Буца умолкал надолго. Но в конце он сказал то, что хорошо мне запомнилось:

– Мое главное дело жизни – дом на холме, который вас, кажется, заинтересовал. Я, кажется, говорил вам: он будет стоять на холме не меньше тысячи лет... Но работа моя, которой я отдал лучшую часть жизни, скоро кончится. Открытие дома намечено на Тбилисосу⁹. А дальше я буду каждый день смотреть на него с веранды Музея тбилисского интерьера. Пожизненно... Еще одна неслучайная случайность. Мне на них везет!

Это было сказано очень серьезно...

Буца о чем-то думал. Вдруг ожил, заговорил:

– Вы, случаем, не видели по телевизору «Хануму»¹⁰ – музыкальный телеспектакль Гоги Товстоногова?..

Нет, я этого телеспектакля в прошлом веке не видела. Но про театрального режиссера Георгия Товстоногова и про ле-

нинградский театр БДТ – я знала. У нас с мамой не было телевизора. В деревенском клубе видела как советские, так и трофейные, да и все фильмы, как тогда они назывались – «второго экрана» или «3-й категории» (надо сказать, часто чудесные, среди них были настоящие проникавшие во «второсортный кинопрокат» шедевры). В 63-м, когда маму реабилитировали, мы с нею стали жить в Перми, телевизора не завели, и вообще стало не до кино. ... Но в те годы... Не из «средств массовой информации» – не так уж много они тогда значили. Подумаешь, зарядка Синявского по утрам да газеты как в популярном советском анекдоте: «в «Правде» нет известий, а в «Известиях» нет правды». В нашей стране столетиями «земля слухом полнилась». Люди разговаривали с людьми... И не только анекдоты друг другу рассказывали. Сохранилось ли это сейчас?.. Нет.

НВ. Товстоногов еще в 1957-м поставил в Питере, в БДТ, «Идиота» по роману Достоевского, в главной роли Смоктуновский... С тех пор, то есть с моих девяти-десяти лет, я про это знаю, про этот театр... По-

трясение от искусства, как и свет звезд, передавалось тогда не средствами массовой информации. Просто кто-то из двух-трех маминых друзей был в Ленинграде, чудом попал в БДТ и – видел! Был потрясен... И потрясение это в тонком слое дружбы и доверия вживую передалось от человека к человеку по огромной стране. Достигло и нашего клуба «Прогресс» на маленькой станции. А через пару лет у нас с мамой появились две виниловые пластинки с записью всего спектакля БДТ. Так что я помнила живой голос Князя Мышкина... Там, на первой пластинке, Мышкин в сценической роли произносит имя одной из героинь: – Аглая!.. Я до сих пор помню этот голос... С тех пор знаю, что Достоевский, Смоктуновский, Товстоногов – все трое гении. Навсегда...

Так что и в свои 36 я и не подозревала, что Товстоногова можно звать просто – Гога...

Буца был ироничен и брутален, но и наблюдателен, и добр. Я поняла это довольно скоро, во время той самой, первой поездки. Он рулил себе, задумавшись, или вдруг – смотрел на меня не без лукавства и чем-нибудь огорошивал. Например:

– Вы, конечно, не знаете, что большинство театральных режиссеров нашей планеты родились в Тбилиси... Или в Кутаиси... или в Батуми. И Товстоногов – наш. По папе русский, по маме грузин, но главное – тби-

⁹Тбилисоба – праздник города, посвященный сбору урожая. Отмечается в 1-е воскресенье октября.

¹⁰Комедию «Ханума» телезрители СССР увидели в 1978 году.

Март. Авлабар – на «бровне» под крылом. Фото Теи Спектр

лиссский парень... Кстати, был несколько лет главным режиссером Тбилисского русского театра имени Грибоедова...

Здесь следовала пауза на за-тяжку вечной папиросой. Затем мог раздаться возглас, как бы результат внезапного прозре-ния:

– Средиземноморье!..

(Так в третьем веке до на-шей эры Архимед кричал: «Эв-рика!..»)

А затем шло уверенное и спокойное разъяснение:

– Грузия – часть Средизем-номорья... Повсюду, где начали выращивать виноград, вино од-нажды назвали кровью Господ-а. Там, повсюду, рождаются люди, похожие на нас. Грузинский темперамент, море и горы, лег-комыслие да и весь культурный код у нас мало чем отличаются от испанского, французского, итальянского... Вы могли уже это заметить. Вся наша жизнь, прежде всего, – зрелище. Со-временные архитектура и театр, живопись и скульптура – вместе с вином – родились в Среди-земноморье!..

НВ. Разумеется, я за Викто-ром Николаевичем не записы-вала и, стало быть, не цитирую буквально. Просто усвоила и запомнила, как запоминает зри-тель в театре яркий монолог актера, или студент – лекцию профессора... Кроме того, его лекция в «Ниве» совпала с тем, что я видела и успела прочув-

ствовать в первые недели моей жизни в Тбилиси. Взять хотя бы «Марш Параджанова с дудуки-стами» – в мартовском тумане, на Винном спуске...

Батоно Буца успокоился, а может, и не волновался. Такой уж он был. Но молчал недолго. Короткий монолог нуждался в завершении. И профессор Джорбенадзе свою лекцию за-вершил следующим образом:

– Ана, пожалуйста, запом-ните: в Авлабаре всегда может случиться все!..

Как же я могла этого не за-помнить?..

НВ. *С тех самых пор до по-следнего времени случается, что в любом конце планеты я, если вдруг встречаюсь с неожиданностью, так себе и говорю:*

«В Авлабаре всегда может случиться все!..»

Кроме того, с легкой руки архитектора Виктора Николае-вича Джорбенадзе – навсегда – не только Авлабар, но и весь Тбилиси, даже мой Московский проспект, нередко представали передо мной многоярким театром. С Солнцем вместо люстры, которое иногда сменя-лось Луной. И на каждом ярусе, за каждой кулисой этого театра шел свой спектакль...

Надо сказать, что в последу-ющей тбилисской жизни мне это очень помогало. Как вообще по-могает хороший театр, когда в реальности дела обстоят неве-домо как...

Мы подъезжали к вокзалу и рынку Навтлуги, дорога была бугристой, начиналась «моя окраина», мой Московский про-спект, мимо пролетала огром-ная тень элеватора. «Нива» рассекала последние клочья редующего тумана...

Ехали мы и приехали – к подъезду дома 36-А на Москов-ском проспекте. В моем доме уже и свет в половине окон не светился. Я пригласила Виктора Николаевича подняться ко мне на четвертый этаж, пообещав чаю с овсяным печеньем. Он переспросил:

– На каком, вы сказали, жи-вете этаже? На четвертом? Спасибо, нет. У меня колени болят, мне их надо беречь, при-годятся...

Я собралась выйти из маши-ны, но была остановлена.

– Подождите, – остановил меня профессор, – я вас тоже приглашаю! На событие, до-вольно важное. Не могу сказать точно, когда оно состоится, на-деюсь, на днях, но дата зависит не от меня... Телефонам я не доверяю. Сделаем так: когда время настанет, я просто рано утром пришлю за вами маши-ну. Вас отвезу на мою строй-площадку. И вы посмотрите при свете дня, как там у нас и что. Никакого начальства кроме меня, Пико, Гии Джапаридзе и, разумеется, строителей, – не будет. Разве что один совсем молодой человек необычайной, просто античной красоты... До-говорились?..

Я ответила:

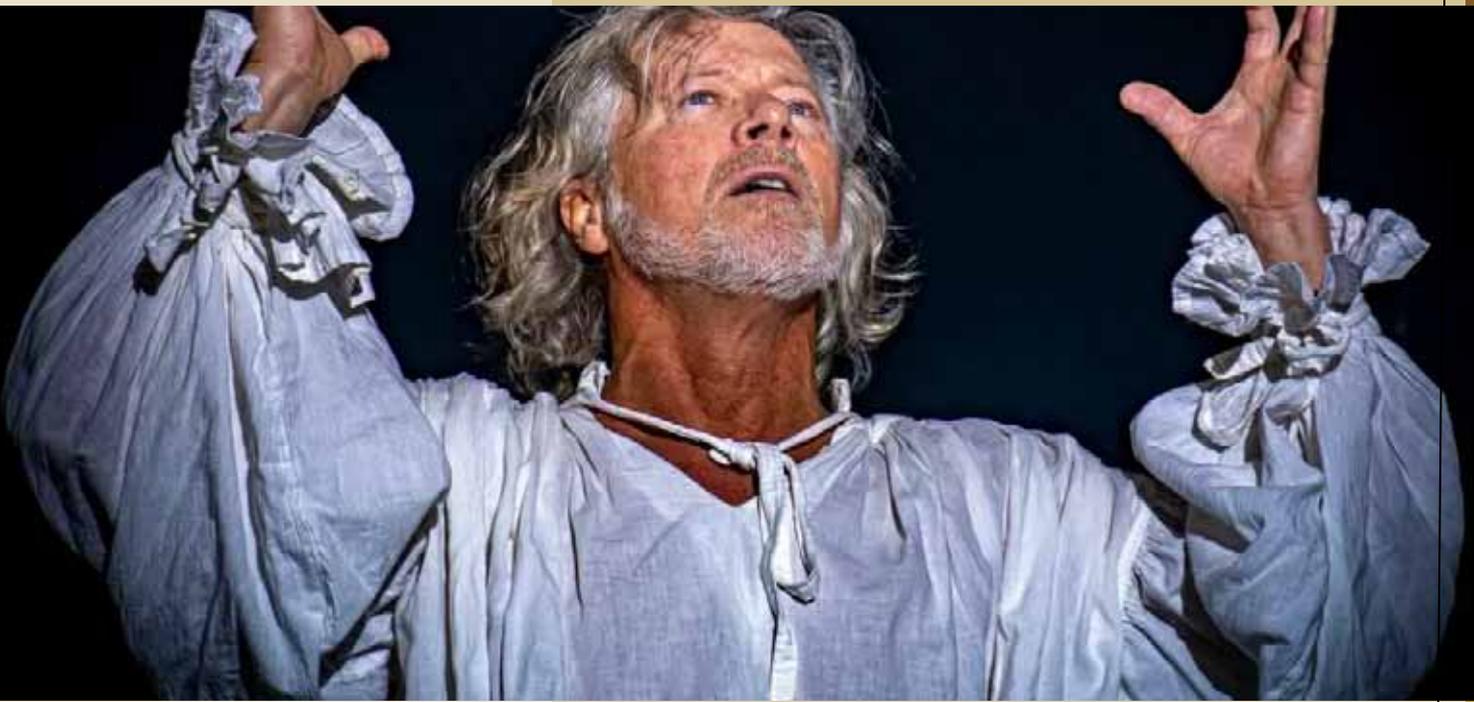
– Да!

На прощание Буца сказал:

– Ваш Московский проспект, оказывается, совсем близко. Мне казалось, он где-то в Аф-рике¹¹. Я сам за вами заеду. До встречи!..

Когда я поднялась к себе и выглянула из лоджии, «Нива» еще стояла внизу, у подъезда. Легко было представить, что батоно Буца сидит за рулем, курит свою вечную папиросу и думает о чем-то важном, что случится скоро, но неизвестно когда...

¹¹«Африка», которую помянул Джорбенадзе, была тоже не слишком далеко... Это был неряшливый, тяп-ляп построенный в семидесятые годы спальный район из блочных девятиэтажек. Он начинался примерно там, где заканчивался танковый завод да и сам Московский проспект (прим. автора).

«Искусство есть дух, художник – это человек, через которого говорит душа»

«НАДСОЗНАНИЕ – ТРУДНАЯ ДОРОГА, НО Я ИДУ ПО НЕЙ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Американско-польский актер Марек Пробош пробивает душу зрителя насквозь, проникает в его подкорку своим глубочайшим погружением в природу персонажа, предельной обнаженностью чувств. Сам этот факт доказывает истину, которую кто-то пытается сегодня оспорить: глаза, голос, пластику, а главное – нутро большого артиста не подменят никакие самые совершенные технологии и режиссерские ухищрения. Прошло несколько месяцев с того дня, как я увидела на сцене московского «Современника» Марека Пробоша в триптихе «Представление в III действиях» (прим. материал об этом спектакле опубликован в декабрьском номере журнала «Русский клуб» за 2025 г.). Но впечатление не стерлось, не потускнело, не развеялось. Оно – со мной по сей день... Как воспоминание о настоящем Актере (не хочется произносить поистертые и уже ничего не говорящие современному уху эпитеты – «гениальный», «великий»,

«выдающийся»). И как тут не привести слова Станиславского? «Единственный царь и владыка на сцене – талантливый артист!»

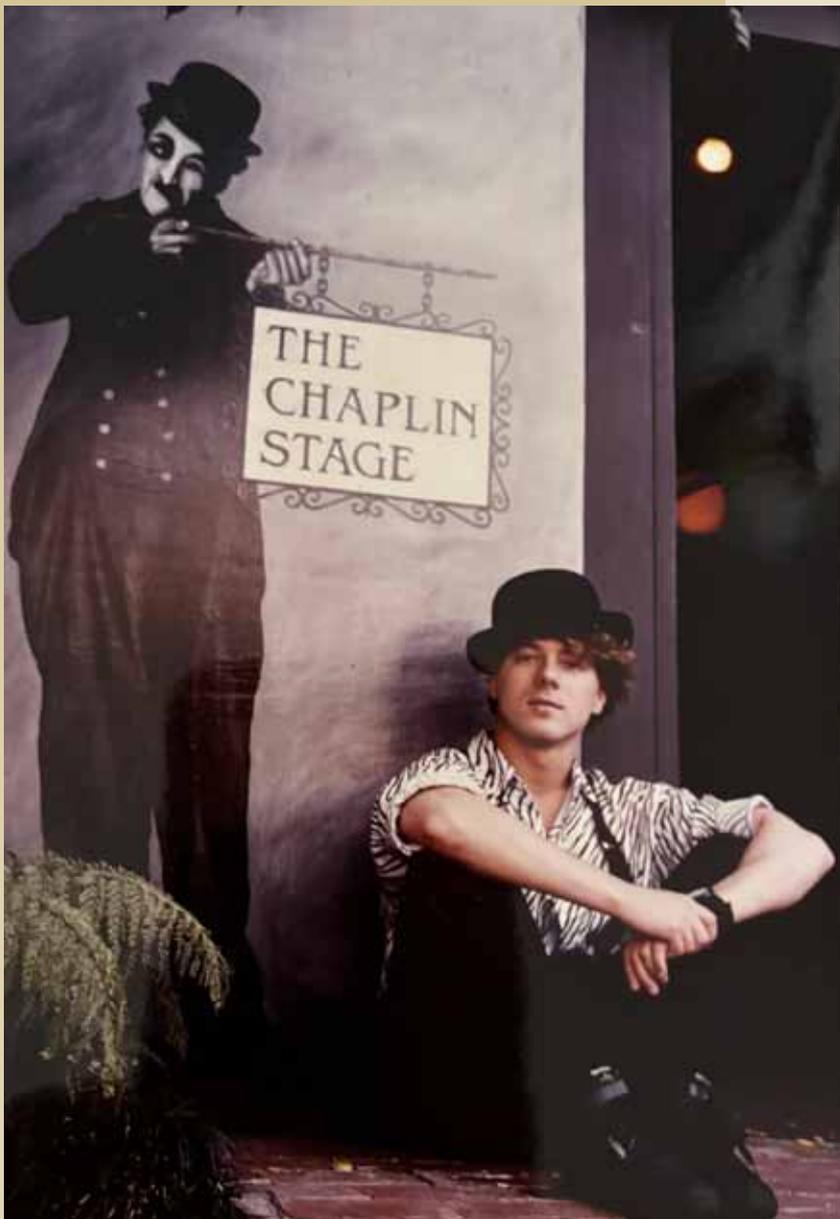
– В современных исследованиях часто используется выражение: *загадочная русская душа. А в чем загадка польской души?*

– Я сам себя воспринимаю как романтика. Польская душа романтична. Она чувствительна, чувственна, деликатна, нежна. Одновременно – невероятно сильна, непреклонна. Актер, режиссер Николай Бурляев мне сказал, что это был крик раненой польской души. Есть нечто такое в романтической душе, что она кровоточит. Эта кровь является началом нового существования, опирающегося на идеализм. Польская душа идеалистична, поскольку, с исторической точки зрения, была часто атакована, разделена, захвачена, изнасилована, и каждый раз, как птица Феникс, она возрождалась из пепла. И поэтому в моем спектакле я цитирую

такой текст: даже если тело погибнет, я буду с бурей, грозой, я надеюсь, что на дне пепла останется бриллиант, который блеснет в следующих поколениях. Нельзя, конечно, сравнивать польскую душу ни с русской, ни с французской, ни с ирландской. Она отличается своим символизмом, метафоричностью, по-своему уникальна. Но по поводу этой уникальности нужно говорить не мне, а тем, кто сумел прикоснуться к польской душе, подметить ее особенность. Я понимаю, что она такая... Во мне.

– По какому принципу в вашем спектакле объединились эти три личности – поэты-романтики Юлиуш Словацкий, Циприан Норвид и католический священник Ежи Попелушко?

– Главная идея – восхождение на вершину. Мы говорим о восхождении на духовную вершину. Сегодня актер из Тбилиси Валерий Харютченко вспомнил в беседе со мной миф о Сизифе. Наверняка этот миф и в моем спектакле прочитывается

Чарли Чаплин дал Мареку Пробошу творческий импульс

ен наш мир. И это первый акт. Второй акт – современный человек Ежи Попелушко, живший в Польше во времена коммунистического режима. Сейчас он признан святым, мучеником. В своих проповедях, которые он проводил каждое последнее воскресенье месяца, Попелушко говорил о родине, о тех, кто страдает во имя нее. Учил, что зло обязательно должно быть побеждено добром. Он никогда не призывал к насилию, всегда обращался к врагам со словом любви. Католический священник стал популярным сначала в своем костеле, потом – в своем городе и своей стране. Люди относились к нему с таким доверием! Они вообще нуждаются в словах, призывающих: «Не надо бояться!» Страх является главным врагом человека, уничтожает наше сознание и делает рабами. Цель жизни – свобода. Бог дал нам свободу либо верить, либо отказаться от веры. Это – свобода выбора. Именно за его проповеди Попелушко похитила служба безопасности, священника мучили и убили совершенно зверским образом. Уже мертвого его утопили в реке – тело было сброшено с моста в воду. Коммунистическая власть считала, что можно избавиться от неугодного человека, уничтожив его плоть, и таким образом стереть с лица земли все, что с ним связано, – его голос, духовную силу. Но вот прошел со-

ся, но я считаю, что настоящий творец, артист несет свой крест на Голгофу. И в пути он, конечно, истекает кровью. Отсюда возник замысел. Это – триптих. Юлиуш Словацкий – поэт-романтик, эмигрант. Его считают основоположником современной драмы. Герой Словацкого Кордиан переживает экзистенциальный кризис, что является отражением сегодняшней ситуации в мире. Человек ищет смысл жизни, свою дорогу и место, которое поможет ему ощутить и осознать свой мир, метаморфозы, получить представление, соединяющее его с другим человеком. Его путь к вершине горы очень тяжелый. Когда Кордиан восходит на пик, он наконец понимает, как устро-

Первая киностудия, которую М. Пробош посетил в Голливуде

рок один год со дня его гибели, и на премьере, посвященной Попелушко, в городе Хьюстоне люди плакали, были до глубины души взволнованы. В Москве у людей была такая же реакция. Слова Ежи Попелушко живы, они проникают в сердце и сознание. Таким образом, второй акт моего спектакля – о самопожертвовании на алтаре истины и свободы. Но если в первом акте герой ищет эту свободу, то во втором он ее находит, при этом человек должен принести себя в жертву, обретая ореол мученика. В третьем акте мы видим скитальца, жизнь которого проходит в полной нищете, вдали от родины. Внутренне герой абсолютно свободен, является творцом, артистом, через него с нами говорит Бог. Он выражает себя красивым языком поэзии, драматургии, философии, кроме того, он художник. Судьба героя Норвида – это путь каждого творца.

– Я увидела в спектакле собирательный образ польского народа. Какова миссия поляков в мировой истории? Изменилась ли она в последние годы по сравнению с тем временем, когда жили романтики Словацкий, Норвид?

– Миссия та же. Мне кажется, что нельзя нести свет туда, где он уже есть. Необходимо нести его туда, где света нет. Только настоящий артист, в широком понимании этого слова, может передавать, отдавать идущий через него свет туда, где его нет. Это и есть миссия творца – грузинского, русского, французского. Не имеет значения, откуда он, не так уж много таких творцов на свете, но там, где мы находимся, всегда сильная энергия. Она не наша – мы ее только проводим. Нас выбрали наверху, и кто может с точностью сказать: то, что выпало нам, это благословение или, возможно, проклятие? Каждый хочет, условно говоря, растерзать тебя. Если ты красив, то тебя хотят... порвать, откусить от тебя кусок. Если ты страшный, то на тебя даже не смотрят, тебя просто отбрасывают. Сохранить красоту и не дать себя разорвать на кусочки в мире, где живут пауки, змеи, волки, акулы – для этого требуется не-

вероятная внутренняя сила и работа. Чтобы ты мог светиться. И поэтому путь творца – развитие на протяжении всей его жизни. В то время как тебя нон-стоп атакуют ложь, какие-то сплетни. Создается ощущение, что ты на поле боя, что в тебя стреляют. И ты должен вести себя так, чтобы пули тебя не достали, чтобы твой дух все одолел, и твоя победа была окончательной.

– Сохранить польскость в США – это сложно?

– Детям своим говорю, что дом там, где твои родители. Именно там, где твои родители. А родители – это моя кровь. И где бы я ни находился, со своей кровью, – я дома. Это и есть мой польский дух.

– А почему вы вообще уехали из Польши в США?

– Это удивительный вопрос. Тайна... Я в Польше был звездой. Меня называли восточноевропейским Джеймсом Дином. Была создана экспериментальная сцена, театр для молодого поколения, где выступал один артист. Это был я. На три года вперед я знал, что у меня будут главные роли в репертуаре. Никто не предполагал, что я останусь в Америке. Поехал по приглашению на три недели, но за эти три недели понял, что в жизни важна не карьера, а именно свобода. Я уехал из страны, которая была несвободна. А артист, чтобы творить, должен быть свободен. Я встретился в Америке с гораздо большими трудностями, чем в Польше. Моей задачей было их преодолеть. Я выбрал более трудную дорогу. Избранным всегда приходится сталкиваться в жизни с более тяжелыми обстоятельствами. Сергею Параджанову, Андрею Тарковскому непросто жилось – они боролись с трудностями. Словацкий, Норвид, Шопен – тоже. Гениальные люди, как правило, проходят через серьезные испытания. Обычным легче живется. При этом такие люди все время жалуются, что у них проблемы.

– Когда вы впервые осознали, что ваша дорога будет связана с творчеством?

– Я был шестилетним ребенком, когда получил свою первую роль в театре. Я еще даже не умел читать, и мама помогала

С женой Госей на съемках фильма «Helter Skelter», в котором М. Пробош сыграл Р. Полански

мне учить роль. Играл в сказке Андерсена «Принцесса на горошине» – это была моя первая роль на сцене. Мой дебют состоялся в 1967 году, и потом я все время играл все новые и новые роли. В детстве у меня было очень много энергии.

– Она у вас и сейчас бьет через край.

– Но в детстве – особенно. Я пробовал все. Но для меня в жизни были две самые важные вещи. Театр стал моей любовью – как и спорт. Потому что для меня быть актером – это быть спортсменом, атлетом. Спорт – дисциплина, мощь. Атлетическая подготовка очень нужна в актерстве, на сцене. Тело должно быть сильным, гибким, как вода. Подчиняться тебе. Ведь это инструмент, на котором ты играешь. Искусство, актерство, стихи, режиссура... У меня была своя творческая театральная группа, я был ее режиссером. А в спорте сначала занимался футболом, потом – велосипедным спортом. Я был пятикратным чемпионом Польши среди юниоров. У меня очень сильные ноги, тело. Когда учился в наци-

На 66-й церемонии награждения премии «Оскар». 1994

ональной киношколе в Лодзи, то был пластичным, как акробат. Меня называли циркачом. В моем репертуаре есть девяностоминутная монодрама по Норвиду. Я играю ее по всему миру. Люди, видевшие меня в этом спектакле, удивляются, как мне удается справляться с таким напряжением, ведь этот спектакль – триатлон, а не биатлон. Именно триатлоном называют то, что я делаю на сцене. Поэтому ты должен быть сильным. Выходя на сцену, ты тратишь очень много энергии. И перед этим проходишь целую систему подготовки – тела, ума, душевного инструмента. Когда я смотрю на мастеров в музыке, балете, то вижу: они делают то же самое.

– Вы магнетически воздействуете на зрителей. У вас есть свои секреты?

– Нет. Когда я выхожу на сцену,

то знаю, что мои духи, мои ангелы со мной. Это инспирация. Они делают мою работу. В моем спектакле по Норвиду принимают участие скрипач и пианист. И они спрашивают меня: «Когда же ты делаешь передышку на сцене – у тебя ноты?» Когда ты отдыхаешь, то можешь это делать глубоко, но можешь – легко. А без отдыха, ты, конечно, мертвый. Но я могу отдохнуть за три минуты – один раз. Это тоже тренинг, дисциплина. Моя жена – мастер по йоге. Я делаю йогу, работаю над своим инструментом. Это работа, работа, работа. А еще талант, опыт. Я работал с большими мастерами в кино, в театре. Называю себя человеком Ренессанса. Я автор, сценарист, профессор, режиссер, актер. А еще – отец семейства, стал дедом замечательного внука. Я жил в Польше, в Чешской республике, сейчас – в США. И

все это время не устаю работать над своим инструментом. Я виртуоз в своем деле. А виртуоз – это сознание, подсознание и надсознание. К сожалению, многие работают над своим сознанием, но мало кто занимается надсознанием. А это главное. Надсознание – трудная дорога, но я иду по ней.

– Это вертикаль?

– Да, это не горизонтально, а вертикально. Я сразу вижу правду, неправду – фальшь. Это мой инстинкт, чувство. Звериное чутье. Я чувствую правду и неправду как в себе, так и в окружающем. Потому что мы находимся в джунглях и должны выжить там. А артисту, актеру выжить в джунглях очень трудно.

– Так в Америке или везде?

– Везде. К тому же все подражают Америке: если там «Макдональдс», значит, везде «Макдональдс», если там реклама, то везде реклама. Но ты можешь создать свой остров, прожить на этом острове. Как Робинзон Крузо.

– И вы чувствуете себя Робинзоном Крузо?

– Да. Я Робинзон Крузо, живущий на своем острове.

– Когда-то вы с большим успехом играли на сцене Есенина, читали его стихи. Вас даже на-

Когда искусство стало любовью

Херст-касл. Калифорния

зывали «золотая голова». Как русского поэта.

– Мне было восемнадцать лет, когда я открыл для себя его. Увидел, что мы очень похожи друг на друга чисто визуально. Но не сейчас, конечно, а когда я был молодым. Мне окружающие действительно говорили: «Ты как Есенин!» А потом я читал, читал, читал его поэзию, мог целую ночь читать, знал наизусть многие стихи Есенина, которые оказались мне очень близки.

– Хотя ведь Есенин – очень русский поэт.

– Как сказать... Есенин – имажинист, как Маяковский – футурист. Есенин вышел из природы. Я тоже человек природы, родом с польских гор, с Бескидов. Я читал его стихи о природе, любовную лирику. В природе есть стихийность, сумасшествие. Она ненормальна, нерегулируема. Есенин это ощущал – стихийную природность. Весна, лето, осень, зима были в его душе, поэзии. Он жил недолго, и все в его судьбе случилось стихийно. Москва, Айседора Дункан, Маяковский, любовницы, алкоголь. Сергей приехал в город, который, как правило, не знает природы, убивает естественность. Он не был готов к этому. В молодости это

оказалось очень близко моему сердцу. Я участвовал в конкурсе поэзии с есенинским циклом «Москва кабацкая». Выиграл в своем городе, воеводстве. Был с Есениным в Москве. Помню время, когда я жил, как Сергей. Не только читал его поэзию, но жил, как он. Имею в виду увлечение женщинами и алкоголем.

– В жанре моно вам, наверное, комфортно, ведь вы Робинзон Крузо на своем острове?

– Комфорт в том, что ты сам делаешь все. Никого ни о чем не просишь, ни от кого не зависишь. Я все делаю сам. Если мне что-то дается с трудом, так это работа с людьми. В группе заниматься творчеством проблематично, если у тебя сильная индивидуальность. Если группа хорошая, то еще ничего.

вал бы так, как ты. Поэтому монодрама – это мой звук. Легче находить общий язык с этим жанром, чем с партнером.

– Что для вас важнее – кино или театр?

– Искусство нельзя делить на жанры. Меня часто спрашивают: «Что тебе ближе? Кино, телевидение, театр?» Я же еще и пишу, и преподаю. Каждая сфера – как мой ребенок. Все должно проявляться органично, а не так: я эго-режиссер, эго-актер, эго-писатель. Таким образом это не работает. Должен быть природный инстинкт. Я играл в Лос-Анджелесе Одиссея. Этот мифологический персонаж – очень разумный, хитрый человек, он знает, как вести интригу. Смысл его жизни – дорога. Одиссей что-то постоянно пре-

Моноспектакль «Представление в трех актах»

Но такую найти непросто.

– В ансамблевых спектаклях вы практически не играете?

– Я получил приглашение из Польши выступить в роли Макбета в 2027 году и дал согласие. Это очень интересно. Я могу работать в группе. Но, живя в США, мне приходится иметь дело с иной ментальностью, иным умением, иными чувствами, иной культурой... Очень трудно найти того, кто чувство-

одолевает и идет, идет до конца. В конце концов он возвращается на Итаку, там его ждут жена Пенелопа и сын Телемах. Но его истина – это дорога. Не Итака, а дорога. У тебя дорога, у меня дорога, у нас дорога. Если дорога закончится, мы должны искать новые пути, горизонты, планеты... Потому что конец дороги, конец движения – конец жизни.

ЦАРСКАЯ КОЛЬЧУГА

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

В самом конце длинного выставочного зала Музея истории Тбилиси (Карвасла) выставлена длинная, широкая кольчуга, которая больше похожа на произведение искусства, нежели на защитное снаряжение воина. Мастер, создавший стальную рубашку, поработал на славу: вся лицевая сторона кольчуги усыпана красиво инкрустированными металлическими пластинами золотистого цвета, украшенными разноцветными камнями. Застежки воротника тоже украшают самоцветы, по правую и левую сторону от воротника прикреплены овальные пластины с изображением солнца и луны.

Это единственные доспехи, принадлежавшие представителю царской династии Багратиони, которые сохранились до наших дней и являются неотъемлемой частью постоянной экспозиции Национального музея Грузии. Их владельцем был царь Имерети Александр III (1609-1660), старший сын Георгия III.

После смерти отца Александр III занял престол Имерети и правил царством на протяжении двадцати одного года (1639-1660).

Он считался вассалом Османской империи и активно боролся против усилившейся феодальной анархии. Был женат на дочери царя Картли и Кахети Теймураза I Дареджан, вдове Зураба Арагвского эристава, и поддерживал своего тестя в борьбе против иранской агрессии. Под влиянием Теймураза вел переговоры с Российским государством и несколько раз направлял послов к царю Алексею Михайловичу, второму правителю из династии Романовых. 9 октября 1651 года Александр III подписал «Клятвенную запись» на верность московскому монарху. В течение двадцати лет царь Имерети боролся против правителя Самегрело Левана II Дадияни. В 1657 году, после смерти Левана II, он выступил в поход на Самегрело, сверг Липарита Дадияни и назначил правителем княжества своего человека, Вамека Липартиани. Александр перенес границу Имерети от реки Цхенисцали к горе Унагира. Он также назначил своего сторонника Деметре Симонидзе правителем Гурии и таким образом подчинил обоих князей, несколько укрепив внутреннее положение Имеретинского царства. Однако после его смерти в Западной Грузии вновь воцарилась феодальная анархия.

В XVII веке в Грузию из Италии приехали монахи ордена театинцев, среди которых был молодой падре Кристофоро Кастелли. Он провел здесь двадцать три года и обошел практически все уголки страны. Помимо миссионерской деятельности, Кастелли как опытный художник и портретист создал своего рода иллюстрированный дневник Грузии тех времен и запечатлел в своих альбомах образы царей и правителей, мирян и духовенства. Оригиналы этих картин хранятся в Муниципальной библиотеке Палермо. Несколько лет назад Посольство Италии в Грузии издало книгу зарисовок Кастелли с подробной информацией о создании каждой работы и чрезвычайно ценными сведениями о политической и бытовой жизни страны. Из этой книги мы узнаем множество интересных фактов из биографии Александра III.

В мае 1646 года Александр III направил к правителю Самегрело Левану II Дадиани посла с целью пригласить к себе театрца, послав миссионеру в подарок скакуна, упряжь которого была украшена золотом и драгоценными камнями. Миссионер принял приглашение. После четырехдневного путешествия Каstellи верхом на подаренном коне, в сопровождении свиты, прибыл из Самегрело в кутаисскую крепость, где царь с большими почестями принял иностранных гостей. Итальянец пробыл здесь два года, а затем снова вернулся в Самегрело.

Монах создал несколько портретов царя, по отношению к которому проявлял особое почтение и хвалил его в своих письмах и отчетах, отсылаемых в Ватикан. На одном из рисунков вызывает интерес одеяние Александра III – оно объединило в себе детали одежды высших правителей Востока и Запада тех времен: с одной стороны, мы видим головной убор, похожий на чалму, с укрепленным на нем эгретом (ювелирное изделие, которое крепилось к головному убору или прическе; его основным элементом был пучок перьев), с другой стороны – накинутую на плечи мантию. Миндалевидные глаза, густые усы, полное лицо, волосы, спадающие на плечи, подчеркивают величественный облик и физическое могущество царя, что неоднократно отмечал Каstellи в своих письмах.

На другом рисунке изображена сцена игры в конное поло. Эта игра, равно как и другие грузинские спортивные игры, проводилась во время различных праздников и важных сборищ. В 1646 году недавно приехавшего в Кутаиси миссионера Александр III пригласил посмотреть конное поло – состязания проходили на главной площади города. Сам царь участвовал в игре вместе с вельможами и знатными чиновниками.

На одном из рисунков изображен пир, устроенный Александром. Каstellи часто становился участником таких праздничных приемов. Несмотря на то, что рисунок сделан обычным пером, без использования цветных красок, падре

Кристофоро все-таки удалось передать роскошное убранство царского дворца, великолепно сервированный стол, за которым сидит царская чета, окруженная гостями, среди которых виден и сам театринец. В приписке к рисунку Каstellи пишет о знаках внимания, которые царь проявлял по отношению к нему, усаживал рядом с собой, предлагая различные блюда и вино из своего кубка, чтобы показать свою благосклонность. Прием сопровождался музыкой и танцами, о чем свидетельствуют фигуры музыкантов на балконе.

Каstellи также нарисовал несколько портретов царицы Дареджан, супруги Александра III. С картины на нас смотрит улыбающаяся женщина с распущенными волосами, ее взгляд отличается легкостью и задором. Царица изображена в шапке непривычной формы и с «дикивинным» животным, сидящим на ее левом плече. Портрет вызывает ассоциации с европейской портретной живописью тех времен. Каstellи отметил, что у Дареджан были черные глаза и волосы, что в те времена в Грузии очень ценилось и считалось признаком женской красоты. На портрете лицо и шея царицы имеют слегка розовый оттенок. Любопытно, что театринец дал Дареджан прозвище «Вардиспера» («Цветы розы»), точно также он называл и супругу Теймураза I, царицу Хорешан.

Когда миссионер должен был отбыть обратно в Самегрело, Александр III подарил ему свое одеяние и попросил монаха носить его. Однако восхищенный подобной щедростью Каstellи отказался надевать столь дорогостоящее платье, поскольку «оно достойно сохранения и не должно быть изношено». Каstellи отослал подарок царя в Рим, чтобы в Ватикане увидели одежду восточных (грузинских) монархов, однако костюм затерялся в дороге.

В статье использованы иллюстрации из книги «Кристофоро Каstellи и Грузия», изданной Посольством Италии в Грузии

В редакции молодежной газеты Арчил Джапаридзе, Юрий Мосешвили, Резо Габриадзе

НОСТАЛЬГИЯ

Время с Гоги, Резо, Таней, Вовой и другими коллегами по молодежной газете

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

Когда скончался Вова Осинский, прекрасный писатель и журналист, наш друг и коллега по молодежной газете, мой бывший заведующий отделом, автор этих строк, уже работавший тогда редактором «Вечернего Тбилиси», попросил Гоги Чарквиани написать по этому поводу. То, что написал Гоги об Осинском, не было некрологом в общепринятом смысле этого слова, нет, это был грустный рассказ с узнаваемыми персонажами, рассказ-воспоминание о нашей совместной работе в грузинской «Молодежке», о людях, с которыми связала жизнь.

Шло время. Печальные события, увы, накатывались вновь и вновь, и не было случая, чтобы Гоги, человек с отличной памятью и тонким литературным вкусом, отказал в просьбе написать об ушедшем коллеге и друге. Последняя просьба была

связана с уходом из жизни Тани Чантурия. А вскоре не стало и самого Гоги Чарквиани. После его ухода я несколько раз просил своих коллег написать о Гоги. И они писали, но написанное меня не удовлетворяло и по этой причине не попадало в печать: один раз, другой... И тогда я понял, что должен написать о Гоги сам – нет, вовсе не потому, что смогу написать о нем лучше, а потому что знаю больше. Грешен: сделал это не сразу. Но сегодня я хочу отдать свой долг Гоги и попытаться сделать то, что когда-то так превосходно умел делать он, – вспомнить. И не только о нем одном.

Газета «Молодежь Грузии» в русской журналистике Грузии 60-70-х годов представляла собой некий светлый островок, где еще не до конца была похоронена свободная мысль,

выплывшая из небытия на волне т.н. «хрущевской оттепели», затем вновь похороненная, но окончательно не сгинувшая. Как однажды пошутил Гоги, какие-то студенты, быть может, посвятят этой газете свои курсовые работы, а там, глядишь, какой-нибудь всезнайка докторскую диссертацию защитит. Пусть будет он удачливым!

Вспоминая о «Молодежке» той поры, естественно, в первую очередь думаешь о людях, делавших газету и позволявших себе определенное свободомыслие, граничившее с риском оказаться на улице с «волчьим билетом» на руках.

Вот написал эти слова: «волчий билет» и подумал, что многие, наверно, и не знают, что это такое. Как-то много лет спустя я, уже будучи редактором, с пылу с жару пригрозил одному проштрафившемуся сотруднику

изгнать его с работы с «волчьим билетом». Так, вы не поверите, через час или полтора, когда страсти улеглись, он явился ко мне допытываться: – А что это такое – «волчий билет»?

Да, времена меняются.

Сейчас в это трудно поверить, но в ту пору, когда свободная мысль билась в тисках всевозможных запретов, лишит человека любимого занятия было делом пустяковым. Любой шаг в сторону от генеральной линии партии считался побегом и жестоко карался. Несмотря на это, тогдашняя «Молодежка» отличалась от многих других газет «собственным почерком», за что ее бивали, и не раз...

Мое появление в редакции совершенно случайно совпало с очередным таким избиением. Газета поместила на своих

да как такое можно, да как газета посмела! Статью обсуждали на заседании бюро ЦК компартии Грузии. Рассмотрение проходило столь бурно, что Георгия Васильевича Бединеишвили, редактора газеты, «скорая помощь» увезла с инфарктом в больницу – это, скорее всего, и спасло от снятия с работы как его самого, так и автора материала Ачико Джапаридзе, заведующего отделом культуры и быта редакции. Что касается героя скандальной публикации, то он, как вы, наверное, догадываетесь, сохранил свой пост, просидев в министерском кресле после публикации в «Молодежи Грузии» еще 28 лет, установив в общем и целом 36-летний рекорд пребывания на министерском посту (1952-1988) и попав таким образом с полным на то основанием в книгу рекордов Гиннеса... Впрочем, этот эпизод не отбил охоту у журналистов молодежной газеты временами демонстрировать свою «зубастость», характер и строптивый нрав.

Да, «Молодежь Грузии» того далекого и сложного времени сияла звездочкой на газетном небосклоне, и горение этой звездочки поддерживалось усилиями Владимира Осинского, Теймураза Степанова, Игоря Голембиовского, Юрия Мосешвили, Отара Бердзенишвили, Ляли Табукашвили, Владимира Кюркчяна, Арчила Джапаридзе, Дэви Имедашвили, Рудика Габриелова...

Так вот, Гоги Чарквиани тоже являлся «лицом», зажигавшим звезду тогдашней «Молодежи Грузии». Человек широкого кругозора, интеллигент, прекрасный знаток грузинской и русской поэзии, он занимался в редакции вопросами литературы и искусства, причем был ведущим этих тем не по должности, а по призванию. Да, это было его призванием – собирать вокруг себя молодых и талантливых людей, поддерживать свежие идеи и мысли, да и самому быть выразителем новых веяний в поэзии и культуре. Он прекрасно разбирался в нюансах стихотворчества: мог не только продекламировать стихотворение любимого автора, например: «Бой был короткий. А потом глушили

водку ледяную, и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую...» (Семен Гудзенко), но и взять и в один присест написать свое. Правда, «свое», а точнее, «свои» стихи Гоги писал в основном в стол. Лишь много позже, уже в зрелом возрасте, он издал несколько прекрасных поэтических сборников.

Гораздо щедрее был в журналистике, хотя и здесь, как это свойственно талантливым людям, занимаясь будничной работой, текучкой, подготовкой к печати чужих материалов, иной раз подолгу не мог найти времени для написания собственных строк. В этом он немного напоминал своего любимого футболиста, тбилисского динамовца Мишу Месхи, который мог во время матча какое-то время безучастно простоять на поле, а потом сотворить шедевр.

...18 ноября 1964 года. «Золотой матч» тбилисских динамовцев в Ташкенте. Вся Грузия ликует по случаю долгожданной победы. В редакции молодежной газеты готовится к выпуску специальный номер, посвященный этому событию. Автор этих строк в качестве дежурного по номеру наблюдает за радостными перипетиями на улицах столицы из редакционного окна. Вот под окнами пробегает возбужденная толпа с криками: «Ди-на-мо!» и факелами в руках. «В Киеве после победы в Кубке СССР тоже жгли факелы», – информирую Георгия Васильевича, нашего редактора, выглядывающего из окна вместе со мной. Тот озабоченно покачивает головой: «Факелы в Киеве – это одно, а факелы в Тбилиси – другое. Наши факелы могут спалить весь город». С ревнивым беспокойством обнаруживаю, что Гоги Чарквиани и Резо Габриадзе, которые еще минуту назад были здесь, куда-то улетучились. Я не удивился. В последнее время Гоги и Резо все чаще бывали вместе. По всему было заметно, что у дуэта складывался творческий союз, результатом которого вскоре стал сценарий к фильму, получившему в прокате название «Феола».

В газету «Молодежь Грузии» Резо Габриадзе пришел почти одновременно со мной. Были в

Гоги Чарквиани

страницах критическую статью под названием «Министр в неблаговидной роли», в которой недвусмысленно говорилось о сомнительных делах тогдашнего министра автомобильного транспорта Теймураза Давиташвили. Разразился скандал:

Рома Качарава, Вадим Анастасиади, Гоги Чарквиани

редакции люди, которые удивлялись: почему Георгий Васильевич принял на работу человека, вроде бы плохо говорившего по-русски и, казалось, с трудом подбиравшего во время беседы на русском подходящие слова. Но вскоре выяснилось: впечатление обманчиво. Молодой кутаисец говорил по-русски не плохо, а просто с большим акцентом, зато писал ярко и сочно. К написанному слову относился бережно, сражался за него с литправщиками, коих видимо-невидимо в каждой газете, с бесшабашным упрямством.

Приходил Резо на работу с небольшим чемоданчиком, в котором каждый раз лежала новая книга кого-нибудь из русских классиков. При случае со знанием дела этих классиков цитировал. То «Обломова» вдруг вспомнит, то, смотришь, Салтыкова-Щедрина, к которому питал особое почтение... Было видно, что человек работает над собой, не пугается влезать в такие дебри литературной классики, от которых многие студенты-филологи в годы университетской учебы шарахаются как черт от ладана. Писал по-русски не только редакционные материалы, но и свой первый сценарий, рождавшийся, можно сказать, на глазах всей редакции.

Резо обладал редким и очень важным для сценариста качеством. Он мог придумать

различные забавные ситуации и воспроизводить эти ситуации в лицах. Его персонажи имели свои отличительные черты, смотрелись как живые, разыгрывали занимательные сценки. Чуть ли не каждый день можно было увидеть Резо в окружении сотрудников, которым он под взрывы веселого смеха зачитывал все новые и новые страницы, повествующие об истории жизни скульптора Агули Эристави, его семьи и друзей. Запомнился один из эпизодов этого комедийного сценария, который, к моему удивлению, в фильме «Необыкновенная выставка», снятый режиссером Эльдаром Шенгелая, почему-то не вошел. Эпизод такой. Рядом с домом бывшего князя Пипиниа, отца Агули Эристави, живет сосед-простолюдин. Два земельных участка отделяет забор, через который с участка простолюдина на участок бывшего князя каким-то чудом прополз стебель разросшейся тыквы, на котором вырос наливающийся соками плод. И вот каждое утро Пипиниа, все еще сохранивший княжеские замашки, выходит во двор, громко окликает через забор еще спящего соседа-простолюдина и требует, чтобы тот обильно полил расположенный на его участке корень плодоносящего растения.

Итак, куда же они запропастились – Гоги и Резо, не станут же они в этот фантастически

радостный для грузинских фанатов день заниматься сценарием? Несколько часов спустя, уже после дежурства, Гоги находит меня у поэта Нодара Тархнишвили, в его маленькой комнатке на улице Белинского, рядом с редакцией, где я, наконец, получаю возможность провозгласить заздравный тост за динамовцев. Спрашиваю: где были? Оказывается, с бутылками шампанского отправились на стадион и пили за динамовцев прямо под штангами. «Под какими штангами?» – с трудно скрываемой завистью донимаю я своими вопросами Гоги. – «Под южными», – бурчит он, а я, услышав ответ, предлагаю при первой же возможности повторить эту процедуру с моим участием. Процедуру осуществили в день первой же полочки. Не помню уже, было это шампанское или вино, но точно помню – ворота были северные. Правда, долго оставаться под штангами мы не стали, час был поздний, позади рабочий день, захотелось присесть, поговорить, культурно отдохнуть... Мы переместились на трибуны, расстелили на скамейках газету, разложили нехитрую снедь, расставили стаканы, как вдруг: «Не двигаться! Руки вверх!» Два местных охранника стояли под трибунами, наставив на нас свои ружья. В дежурке, куда мы были отконвоированы, обстановка, разумеется, разрядилась. Охранники, как и мы, еще не отошедшие от динамовского триумфа, присовокупили к нашим припасам свои собственные, и прерванный пир вспыхнул с новой силой...

В 2004 году по моей просьбе Гоги написал для «Вечерки» материал к 40-летию «Золотого матча» в Ташкенте. Там ничего не было сказано о шампанском под штангами, зато была озвучена весьма любопытная версия того динамовского успеха: после снятия Хрущева «партайгеносцам» из ЦК КПСС было не до футбола, поэтому они «прошляпили» рывок тбилисских футболистов на финише чемпионата СССР, ну а в Ташкенте что-либо перерешить было уже невозможно...

Разумеется, был своеобразный флер. Гоги был Кандидо-

вичем, т.е. сыном бывшего первого секретаря ЦК компартии Грузии Кандида Чарквиани, назначенного на этот пост в 31 год (ну прямо наполеоновская карьера) – в 1938 году. Что и говорить, цифра «38» в данном контексте звучит достаточно зловеще, но могу прямо сказать, что имя Кандида Чарквиани с репрессиями 1937 года никогда не ассоциировалось. В 1952 году карьера Кандида Несторовича неожиданно покатила вниз: вначале он был назначен постоянным представителем Грузии в Москве, а затем направлен на какую-то незначительную работу в Среднюю Азию. Поговаривали, что с ним хотели расправиться, но не успели: грянул март 1953 года.

Об этом периоде своей жизни Гоги рассказывать не любил. Например, очевидно, что он просто не мог не видеть в доме своего отца Лаврентия Берия, но в ответ на все наши вопросы молчал как партизан. Достоверно было известно лишь то, что однажды он сидел на коленях у Климента Ворошилова и даже играл с эфесом его шашки.

Мать Гоги Тамара Шалвовна, в девичестве Джашвили, – энергичная женщина, даже много лет спустя после отставки супруга сохранившая манеры «первой леди». В редакции о ее твердом характере знали все, а в особенности «главный»... Тщательно отслеживая круг возможных «собутельников» Гоги или просто людей, с которыми чаще других общался сын, они с Кандидом Несторовичем однажды, без всякого предупреждения, заявили к нам домой, к изумлению моей мамы, видевшей бывшего первого секретаря ЦК лишь на портретах в служебных кабинетах в 40-е годы. Несколько ранее, с этой же целью, Тамара Шалвовна нанесла визит в семью Вовы Осинского и минут 15 беседовала с отцом Вовы, 75-летним пенсионером с трясущимися руками, полагая, что разговаривает с самим Вовой, великовозрастным «растлителем» ее сына, которого она прежде ни разу в лицо, естественно, не видела. Впоследствии Вова, тогда еще молодой и едкий на язык человек, конечно, по этому по-

воду немало иронизировал.

...Часа за два до окончания рабочего дня в редакции появлялся высокий худой человек с иссиня черными волосами и орлиным носом. Звали его Гиви Какабадзе. Он молча усаживался в комнате, неподалеку от гогиного стола и терпеливо дожидался, пока Гоги закончит свои текущие дела и выставит ему кружку пива в новой хинкальной, открывшейся совсем недавно на верхней веранде в саду «Самайа». Гиви был старше Гоги лет на пятнадцать, но внешне выглядел нашим ровесником, хотя за плечами у него уже была война, правда не с немцами, а белофиннами. И совсем уж неожиданным было то, что Гиви на войне был снайпером. Впрочем, за всю войну Гиви не подстрелил ни одного человека, по этой причине однажды, как рассказывал, имел крупные неприятности и чуть было не попал под трибунал...

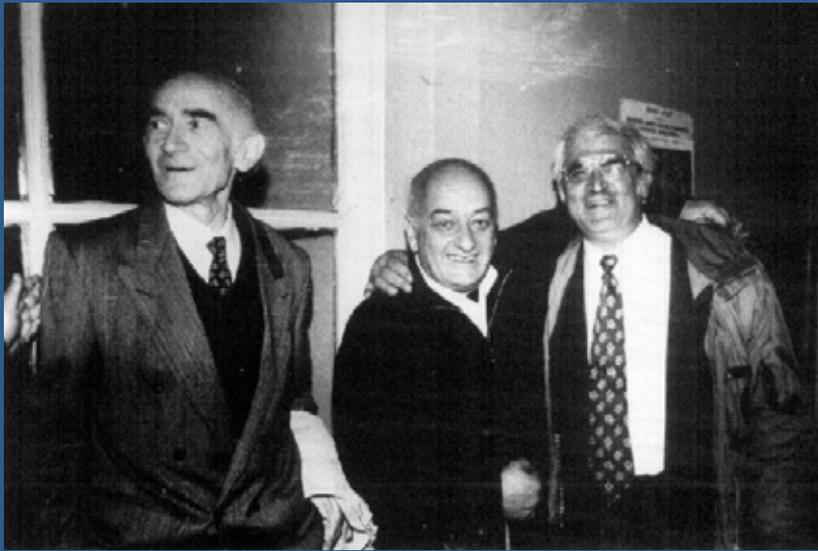
К 6 часам вечера в хинкальной уже шумит-гудит разномастный люд, подгребающий сюда из окрестных газет, журналов и типографий. Здесь можно было встретить и метранпажей – печатников, и журналистов, и писателей с художниками... Периодически появлялся небритый человек с припухшими веками и на правильном русском языке, наводившем на мысль об университетском образовании, говорил человеку за стойкой: «Здравствуйте, я сын известного писателя, классика грузинской литературы Шико Арагвиспирели, налейте мне, пожалуйста, 100 грамм». Захаживал известный скульптор, представительный мужчина средних лет, про которого говорили, что у него был роман с самой Екатериной Фурцевой... Потом все собирались за одним из столиков. И начинались разговоры: о литературе, живописи, искусстве вообще. Душой компании чаще всего бывал Гоги. Благодаря ему дружеские застолья за бутылкой вина или кружкой пива превращались либо в литературные диспуты – если речь заходила о русской или зарубежной литературе, либо в литературные лекции – если речь заходила о литературе грузинской, в знании которой

с Гоги мало кто мог сравниться. Уточню: это не были беседы мальчиков с заплетающимися языками. Мы могли «принять на грудь» много, но держались крепко.

То было время, когда представительницам слабого пола посещение подобного рода заведений возбранялось. Исключение составляли лишь первоклассные рестораны, как, например, ресторан на Мтацминда, да еще, пожалуй, т.н. «дамская хинкальная» в подвале тогдашней гостиницы «Тбилиси». Так что, компания у нас подобралась мужская. Тосты типа «За женщин!» или «За любовь!» не запрещались, но и не поощрялись. Девиз «О женщинах либо хорошо, либо ничего» соблюдался неукоснительно. Нарушивший это правило немедленно прерывался укоризненным взглядом и уничтожающей фразой «Мне стыдно за вас!», произносимой Вовой Осинским, олицетворением журналистской чести и достоинства, под неусыпным оком которого в нас формировались благородные идеалы ремарковских «Трех товарищей», одной из его любимых тогда книг. Как-то во время редакционной пирушки получилось так, что из уст Гоги и автора этих строк два тоста прозвучали одновременно. «За поэзию!» – воскликнул один. «За наши чувства!» – с не меньшим энтузиазмом воскликнул другой. И тут же последовала молниеносная реакция Арчила Джапаридзе, объединившего оба тоста в один: «За поэзию чувств!» Все рассмеялись.

Гиви Какабадзе чаще молчал, лишь изредка вставляя в беседу лаконичные реплики. Но однажды, когда кто-то завел речь о всеми почитаемом тогда писателе Хемингуэе, он вдруг сразил неожиданной фразой: «Хемингуэй – позер!» Все разом загалдели: почему, почему позер? Объяснить свои слова Гиви толком не сумел, но, перечитывая впоследствии некоторые произведения популярного американца, я ловил себя на мысли, что наш друг был, оказывается, не столь уж далек от истины.

А перед этим бывало «окошко», вернее «окно», в рабочем

Шота Кавлашвили, Резо Габриадзе, Вадим Анастасиади

распорядке, образовывавшееся где-то в районе 2-3-х часов, когда можно было быстренько сбежать к Давиду Алексеевичу в бухгалтерию, за гонораром. Давида Алексеевича Мартирузова, мужчину 75-ти с лишним лет, можно было без преувеличения назвать достопримечательностью города или, как сказали бы сегодня, тбилисским «колоритом». Расслабившись за стаканчиком вина, он мог пуститься в рассуждения о днях минувших, в которых в качестве не мифических, а совершенно реальных персонажей фигурировали и Сергей Есенин, и Тициан Табидзе, и Владимир Маяковский, и Паоло Иашвили, выстраивавшиеся к нему в очередь, разумеется, за гонораром.

Пришел Давид в бухгалтерию тогда еще издательства «Зари Востока» совсем молодым человеком, и здесь же состарился – у бухгалтерского стола, к которому журналистская братия дважды в месяц приходила за вознаграждением, причитавшимся за ее творческий и, надо полагать, вдохновенный труд в газетах и журналах. Впрочем, дважды в месяц – это для обычных смертных. Были у Давида Алексеевича и любимчики. Например, Гоги Чарквиани и Вова Осинский пользовались привилегией брать гонорары вперед. Скажем, приезжал в командировку в Грузию какой-нибудь Юра Канищев, журналист из Тулы, или заходили «проветриться» Володя Кошман и Сережа Арутюнян – ак-

теры Московского театра на Таганке, прибывшего в Тбилиси на гастроли, или кто-нибудь еще... Разумеется, гостей надо было принимать. Вот и снаряжалась делегация к Давиду Алексеевичу, сами понимаете зачем... Не думайте, будто уломать Давида было легко. Еще издали, заприметив Осинского или Чарквиани и, что греха таить, иногда и автора этих строк, он захопывал окошко, неизменно приговаривая: «Что вы со мной делаете, что вы со мной делаете?» Но через некоторое время оттаивал, сдавался, сам высовывал голову из окна и спрашивал: «Сколько?» Получив ответ, восклицал: «Вы с ума сошли!», а потом брал ручку, макал пером в чернильницу и молча выписывал чек, урезав названную сумму наполовину.

Московская Таганка гастролеровала в Тбилиси две недели, но получилось так, что мы с Гоги и Резо сумели побывать лишь на одном спектакле. Да и то в самый последний день. А могли бы ходить в театр хоть каждый вечер – Кошман с Арутюняном контрамарки предлагали... Но нам больше нравилось общаться с ребятами в неформальной обстановке. Сережа приходил в редакцию с гитарой, прекрасно пел под собственную музыку. По сей день звучат в ушах исполняемые им песни «Жил Александр Герцевич...» на слова Осипа Мандельштама и «Ушел он поздно вечером...» на слова Леонида Мартынова.

В тот день Володя с Сергеем

приехали в редакцию попроситься. Вечером 7 июля 1966 года шел спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», в котором оба были заняты. А сразу после представления вся труппа отправлялась в Сухуми. Церемонию проводов Гоги, Резо и я организовали в той самой «дамской хинкальной». Как и следовало ожидать, застолье затянулось. Наши гости должны были петь под гитару в массовке, говорили, что особой сложности это не составит, но... Решили ехать к началу спектакля все вместе. В театр благодаря протекции друзей прошли без проблем. Зал был забит. Мы стояли в проходе, глядели на сцену во все глаза, вытянув шеи, ожидая выступления Володи и Сережи. Но те в спектакле так и не появились...

После представления отправились на вокзал – к сухумскому поезду. Там и стали известны подробности происшедшего. Когда Кошман с Арутюняном перед спектаклем пришли за кулисы и стали готовиться к выходу на сцену, кто-то из коллег выразил недовольство по поводу того, что они пришли на спектакль не в лучшей форме... Кошман, вспыльчивый ростовский парень, «заехал» в кого-то гитарой... Потом перешли на кулаки. В ссору вмешался Сережа. Обо всем узнал Юрий Любимов, худрук и главный человек в театре, и тут же отчислил обоих актеров.

Разумеется, настроение у всех было поганое. Мы успокаивали ребят: мол, завтра-послезавтра Любимов уйдет, все уляжется, утрясется... Но наши прогнозы, увы, не оправдались. Сереже и Володе пришлось уйти из Таганки навсегда.

Гиви Какабадзе жил с матерью и маленьким племянником – сыном покойной сестры, в двух каморках на улице Мачабели. Мать страдала тяжелым недугом, нуждалась в постоянном уходе, по этой причине сын никак не решался устроиться на работу. Гиви от матери буквально не отходил и ухаживал с нежной привязанностью. Однажды по пути из ЦК комсомола (там проходило какое-то со вещание) мы с Гоги забежали к Гиви. В его комнатенке невоз-

можно было повернуться. Одну ее часть занимала кровать, другую – горы книг. Перед уходом, воспользовавшись тем, что Гиви в очередной раз выбежал на зов матери, Гоги незаметно положил под телефонный аппарат небольшую сумму денег, и тогда я понял истинную цель нашего сегодняшнего визита к бывшему фронтовику.

Гоги был сдержанным человеком, чья жизнь представляла перед многими лишь своей внешней стороной, и те, кто не знали его близко, могли только догадываться о его богатом и сложном внутреннем мире, нередко отзываясь о нем как о сухаре или даже эгоисте. А я вспоминаю его теплый дружеский локоть в очень тяжелые для меня дни – после смерти мамы. Панихиды тогда назначались не так, как сейчас, а гораздо позже – в 7 часов вечера, но Гоги ежедневно, наверное, уже с 2-х часов дня, сидел рядом со мной, иногда просто молчал. Помню, именно в те дни, видимо, из-за каких-то ассоциаций, мне вспомнилась стихотворная строка: «Где стол был яств, там гроб стоит», и я стал вспоминать, где же ее прочел. Искал в пушкинском «Пире во время чумы», почему-то думал, строка оттуда, искал вначале один, потом вместе с Гоги, но так ничего и не нашел. Уже поздно вечером, уходя с панихиды, Гоги пообещал, что поищет строку дома. Ночью он позвонил и сказал, что, оказывается, это не пушкинская, а державинская

строка, использованная Пушкиным в качестве эпиграфа к одной из глав «Дубровского». А Гугла, сами понимаете, тогда не было...

И напоследок вернусь к тому, с чего начал. Равнодушно читать заметки Гоги о наших коллегах, покинувших этот мир, я, разумеется, не мог – ни как человек, ни как редактор. Ведь то, о чем он писал, было живо и в моей памяти, было частью и моей биографии. Когда умерла Таня Чантурия, Гоги написал один из тех ярких рассказов-воспоминаний, о которых я говорил выше. Таня была моей однокурсницей, начинала, как и я, в «Молодежке», затем была собкором «Комсомолки» и «Известий», снималась в главной роли в самом первом фильме тогда еще начинающего кинорежиссера Отара Иоселиани «Апрель», да и вообще была редкой умницей и внешне хороша собой. После апрельских событий 1989 года, обнаружив, что требования, предъявляемые к ней руководством редакции, расходятся с ее убеждениями, она написала заявление об уходе. И порвала с журналистикой навсегда. В поэме журналиста Эдуарда Пасютина «Известияда» есть строки, посвященные Тане: «Когда саперные лопатки, Явив советские порядки, Упали на ее народ, Татьяна вышла из «Известий», Она ушла дорогой чести,

Бесчестью предпочтя развод».

В том Гогином материале

Таня Чантурия

о Тане мне запомнился один эпизод, относящийся не только к ней, но и к нему самому. Кажется бы, ничего особенного в этом эпизоде нет, и все-таки... «Раньше на Мтацминда, почти на том же месте, что и сейчас, стояла более низкая телебашня, – писал Гоги. – А чуть ли не под самой этой башней находилась маленькая студия, откуда шли передачи в прямой эфир без всяких записей, кассет и т.д. Вот туда пришли как-то в декабре, в разгар подписной кампании, выступить по телевизору и агитировать за свою газету сотрудники «Молодежи Грузии», и Таня, конечно, тоже. Затем уже втроем – Таня, Резо Габриадзе, тогда еще не сценарист и режиссер, а корреспондент «Молодежи Грузии», и я зашли в главный ресторан парка, где в большом зале было занято всего два-три столика. В город же с Мтацминда спускались пешком: по крутой, освещенной тропинке, мимо пантеона. Стояла ночь, шел густой мягкий снег, и он вместе с яркими лампами создавал какой-то уют, внушал чувство обжитости окружения и приобщенности к вечности. Словом, в прошлом происходили разные вещи – приятные и неприятные, желательные и нежелательные, – заklючал свои заметки Гоги, – ибо жизнь сложна, а вместе с тем проста, но и драматична, трагична».

Да, Гоги, короткой все-таки оказалась эта штука – жизнь.

С Таней Чантурия

Георгий Казайшвили и Тенгиз Пачкория. 2026

«МЕЧТАЮ ИГРАТЬ В СБОРНОЙ ГРУЗИИ»

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

С начала 1990-х годов до 2023 г. по разным причинам – и социально-экономическим, и личным, и общественно-политическим – Грузию покинули более двух миллионов жителей страны, которые переехали жить в другие страны. По переписи 1989 г., население Грузии составляло около 5 с половиной миллионов человек, по переписи 2014 г. – 3 миллиона 713 тысяч, а в 2025 г. – 3 миллиона 694 тысячи человек (хотя есть мнение, что реально в стране проживает минимум на 200-300 тысяч меньше – они зарегистри-

рованы в Грузии, но находятся на заработках в других странах).

А вот в футболе до известной степени складывается, можно сказать, совсем другая картина. Целый ряд футболистов, которые родились в семьях уроженцев Грузии, проживающих за рубежом, и успешно занимаются футболом, играя в клубах стран своего проживания, при этом выступают в сборных Грузии – национальной, молодежной и юношеской. В этом ряду в первую очередь выделяют уроженца Франции, гражданина Франции и Грузии 24-летнего

Георгия (Жоржа) Микаутадзе. Но есть еще немало наших соотечественников-футболистов, которые родились и выросли в других странах и мечтают попасть в национальную сборную Грузии.

Один из них – уроженец Кипра, гражданин Грузии 21-летний Георгий Казайшвили. Более года назад знакомые на Кипре рассказали мне об этом перспективном футболисте, и я подготовил специальный сюжет для еженедельной спортивной передачи на телеканале «Объектив». Но, конечно, я очень хотел лично увидеть его игру, и такая возможность недавно представилась.

В начале года мне довелось побывать на Кипре и присут-

Темур Кецбая, Каха и Георгий Казайшвили. 2007

ствовать в Никосии на матче команды «Ираклис Геролаккоу» (вторая лига чемпионата Кипра), в составе которой с осени прошлого года успешно играет Георгий. А до игры я пообщался с его родителями.

Каха Казаишвили родом из г. Тержола в Западной Грузии, в юности и молодости играл в

зии на Кипр. Кстати, их въезд на Кипр не обошелся без сюрпризов. «По прилете на Кипр, – рассказала мне М. Панчвидзе, – местные пограничники в аэропорту заявили, что меня впустят в страну, а Каху – нет. Это было удивительно, ведь у нас у обоих и визы, и все документы были в порядке. О, какой шум поднял Каха! «Я имею право въехать на Кипр вместе с супругой!» – кричал он. Я показала пограничникам, которые были несколько ошеломлены напором Кахи, свидетельство, что мы муж и жена. Причем молодожены. После этого нам разрешили въехать».

В ноябре 2004 г. на Кипре у них родился сын Георгий. С раннего детства он занимался футболом, играл в разных клубах Никосии. С осени прошлого года играет за клуб «Ираклис Геролаккоу». Каха рассказал, что с детства водил Георгия на матчи тех команд Кипра, в которых футболистами и тренерами были грузины. «Мы с сыном много раз бывали на матчах команд, где тренером работал Темур Кецбая, несколько раз удалось встретиться с ним, в том числе после матча проводов

Кецбая из футбола – это было в июне 2007 г., он сфотографировался с сыном и пожелал ему удачи, – вспоминает Каха. – На том же прощальном матче Кецбая были футболисты из Грузии, с одним из них, бывшим капитаном сборной Грузии Георгием Немсадзе, я и Георгий тоже встретились», – отметил Каха.

Как известно, Темур Кецбая – очень популярная на Кипре (и, конечно, не только) персона. Его слава там просто зашкаливает – нет в этой стране ни одного человека, который не знал бы (очно или заочно) Темура.

Он родился 18 марта 1968 года в г. Гали, где начал играть в местной спортшколе под руководством опытного тренера Юрия Библия. В 1980-1985 г. Темур учился и играл в спортивной школе в Тбилиси, в 1986 г. успешно выступал за «Динамо» Сухуми во второй лиге чемпионата СССР, и я хорошо помню игру Кецбая в этой команде. Тогда я был начинающим журналистом и не пропускал ни одного матча местного «Динамо», освещая и игры, и важные футбольные события в родном городе в местных и тбилисских изданиях, а также в эфире московской радиостанции «Маяк».

Темур был игроком юношеской сборной СССР, отлично играл за «Динамо» (Тбилиси) в высшей лиге чемпионата СССР, прекрасно показал себя в матчах Кубка УЕФА, успешно выступал за рубежом – в Греции, Англии, Шотландии, завершив карьеру футболиста в клубе «Анортосис». Он считается одним из лучших игроков сборной Грузии за весь период существования национальной команды – в матчах за сборную Темур (он сыграл 45 встреч и забил 15 голов) всегда отличался не только высококлассной игрой, но и особой самоотверженностью, трудолюбием и борьбой до последней минуты. Дважды признавался лучшим игроком Грузии (1990, 1997). В 2007-2009 гг. Темур был тренером «Анортосиса», под его руководством кипрский клуб впервые попал в групповой этап Лиги чемпионов, и Кецбая называли одним из лучших тренеров Ев-

Георгий Немсадзе и Георгий Казаишвили. 2007

футбол, в конце 1990-х выступал за команду «Саповнела» (Тержола). Из-за серьезной травмы ему пришлось прекратить карьеру футболиста. В сентябре 2003 г. он и его супруга Майя Панчвидзе (она родом из Лагодехи) перебрались из Гру-

ропы 2008 года. В 2009-2014 гг. Кецабя был главным тренером сборной Грузии, затем кипрского клуба «Апозель», греческого «АЕК», российского «Орент», кипрского «Анортосиса», сборной Кипра.

В начале года в Никосии команда «Ираклис Геролаккоу», в которой с сентября 2025 г. играет Георгий Казаишвили, провела домашний матч с клубом «Спартакос Китиу». Обе команды находятся в нижней части турнирной таблицы и борются за сохранение места во второй лиге. В первом тайме территориальное преимущество было на стороне гостей, они выиграли первую половину матча со счетом 1:0, хотя и хозяева имели несколько острых моментов для того, чтобы забить гол. Во втором тайме хозяева взвинтили темп, провели несколько острейших атак, сумели со штрафного сравнять счет. Казаишвили выделялся как надежной игрой в защите, так и умелыми атакующими действиями.

Главный тренер команды «Ираклис Геролаккоу» Kostas Tsikkas после матча мне сказал: «Казаишвили – один из лучших игроков не только нашей команды, но и всей второй лиги. Я уверен, что у него большое футбольное будущее. Тренеры других клубов в разговоре со мной подчеркивают интерес к нему. Думаю, в будущем сезоне он будет играть в клубе первой

Георгий Казаишвили и Костас Циккас

лиги, он этого заслуживает».

Еще более интересным был комментарий известного в прошлом кипрского футболиста, а затем успешного тренера Charalampos Kouloumbri: «Георгий Казаишвили – это футболист с большим природным талантом и трудолюбием. Он с юных лет показал свои отличные футбольные способности, которые постоянно развивает.

Он перешел из команды третьей лиги в клуб второй лиги и заслуживает большего. Он одинаково хорош в разных игровых амплуа. Не сомневаюсь, он скоро попадет в клуб первой лиги, более того, у него есть потенциал стать футболистом национальной сборной Кипра».

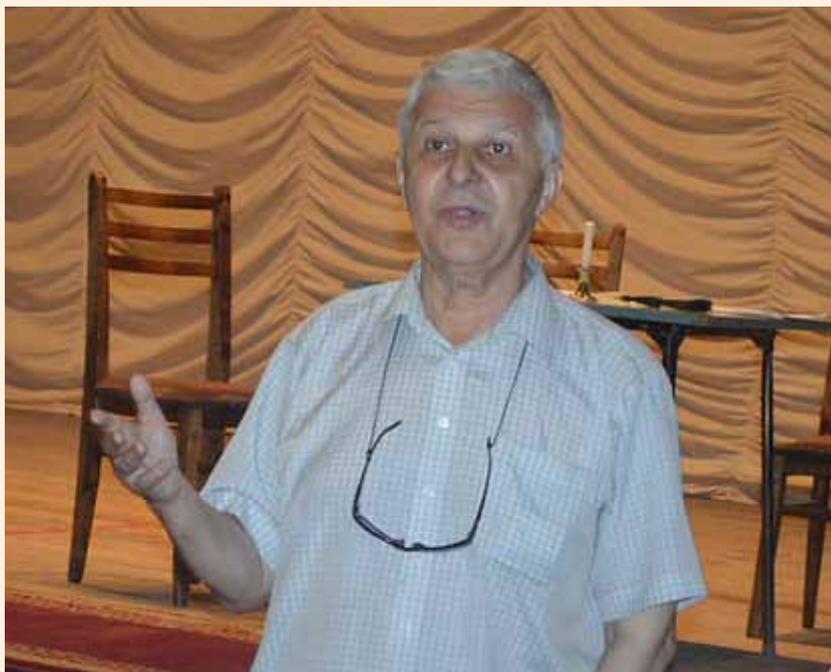
Вполне понятно желание опытного кипрского футболиста и тренера видеть Георгия в составе сборной Кипра, ведь его появление там усилит игру национальной сборной страны.

Однако сам молодой футболист сказал мне такие слова: «Я с детства одержим идеей стать классным футболистом и получить приглашение в сборную Грузии. Много тружусь, для меня главное в жизни и карьере – это футбол, я мечтаю играть в национальной сборной Грузии и как футболист все сделаю для того, чтобы добиться этой цели».

Надеюсь, что Георгий Казаишвили своей успешной игрой, трудолюбием и настойчивостью добьется больших успехов в футболе и в ближайшие год-два привлечет к себе внимание тренерского штаба сборной Грузии, представители которой внимательно наблюдают за игрой выступающих за рубежом наших соотечественников.

Темур Кецабя

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

■ **Ирена КЕСКЮЛЛЬ**

Автобиографическая книга Михаила Айдинова «Я люблю тебя, жизнь» – это произведение, которое трудно вписать в какие-либо строгие жанровые рамки. Формально мы имеем дело с мемуарами, но по сути перед нами целый калейдоскоп жизней, ролей и смыслов, соединенных в одном человеке. Автор ведет читателя через воспоминания так, словно он не просто делится прошлым, но и каждый раз заново проживает его. Поэтому книга воспринимается не как сухая хроника или список заслуг, а как драматургически выстроенный спектакль, где сменяются сцены, эпохи, персонажи, но неизменно звучит один и тот же мотив – любовь. Это чувство как состояние души, пронесенное через потери, невзгоды и коллизии времени – это лейтмотив книги, ее ядро. Несмотря на это, произведение, безусловно, носит и провокативный характер, и именно этот факт делает его своеобразной лакмусовой бумажкой для оппонентов, литературной рапирой, вызывающей противоречивые чувства и реакции определенного круга реципиентов.

Одними из самых ярких страниц книги становятся главы, посвященные детству в Тбилиси 60-70-х годов. Михаил Айдинов воссоздает атмосферу города так, что читатель буквально ощущает запах теплого хлеба из пекарни, слышит шум дворовых игр, видит старинные улочки, которых уже нет. Детали его воспоминаний – руки бабушки, семейные застолья, школьные шалости – кажутся простыми, но именно в них заключен код личности. Это не сентиментальная ностальгия, а возвращение к корням, к тем опорам, без которых не было бы ни зрелого автора, ни его книги. Именно там, в тбилисском дворе, формируется его умение слышать и чувствовать людей, которое впоследствии станет основной журналистской профессией. Уже в детских главах заметен мотив нравственности: уважение к старшим, чувство долга, вера в человеческое слово. Автор показывает, что эти ценности были не абстрактными лозунгами, а частью повседневной жизни.

Ключевым мотивом книги становится любовь. Михаил Айдинов пишет о ней не как о частном чувстве, а как о вселенской силе, которая сопровождает человека от рождения и до последнего вздо-

ха. В его жизни любовь к женщине переплетается с любовью к родине, к профессии, к слову. Это разные ипостаси одного и того же чувства – глубокой преданности и готовности к жертве. Особенно трогательно звучат страницы, посвященные сыну. Это, пожалуй, самая сокровенная часть книги. Здесь нет поэзы и литературного украшательства – только обнаженное сердце и боль. Читатель становится свидетелем того, как любовь превращается в испытание и в то же время в спасение. Айдинов пишет о сыне, о его короткой и полной нежности истории так, что ее невозможно читать без слез.

Особое место в мемуарах занимает тема Владимира Высоцкого. Для автора это не идол на пьедестале, а живой собеседник, голос эпохи, с которым он ведет внутренний диалог. Воспоминания о встречах и общении с Высоцким открывают читателю другое измерение фигуры, давно окруженной мифами. Михаил Айдинов смотрит на Высоцкого не как на легенду, а как на человека, близкого ему по духу: честного, дерзкого, не терпящего фальши. Этот раздел книги становится своеобразным признанием в любви к искусству, способному объединять людей, даже если они принадлежат к разным профессиям. Высоцкий для автора – зеркало времени, и в этом зеркале автор видит и себя.

Мемуары невозможно представить без темы распада Советского Союза. Для многих это событие осталось в политической

плоскости, но Михаил Айдинов переживает его как личную драму. Он пишет о потере целого мира – социокультурного пространства, где существовали определенные правила, ценности, ориентиры. Однако книга не превращается в жалобу или ностальгическую исповедь. Напротив, автор показывает, как в условиях слома и хаоса нравственность остается единственным компасом. Его вера в нравственные основания человеческой жизни звучит особенно актуально в XXI веке, когда кризис идентичностей становится глобальным вызовом.

Один из важнейших пластов книги – размышления о профессии журналиста. Михаил Айдинов предстает и как участник медиапроцессов, и как хранитель классической традиции журналистики. Его кредо – честность, ответственность, готовность говорить правду, даже если это сопряжено с риском. Он противопоставляет себя журналистике как обслуживанию власти или моде. Для него журналистика – это миссия, форма служения обществу. В этом образе угадывается фигура подвижника, для которого слово – не инструмент манипуляции, а оружие справедливости.

Театр занимает в книге особое место. Автор пишет о нем как о живом организме, где встречаются человеческие души. Для него театр – это территория катарсиса, место, где актер и зритель открываются друг другу в предельной искренности, школа человечности. В этом чувствуется тбилисская традиция, где театр всегда был неотъемлемой частью городской культуры.

Не менее значима и тема общественной деятельности, затронутая в мемуарах. Руководство литературным обществом, работа над альманахом – это тоже миссия. Автор создает пространство, где встречаются разные поколения пишущих людей, где молодые писатели находят поддержку, а старшие сохраняют связь с аудиторией. Альманах «На холмах Грузии» в его понимании – это духовный мост, связывающий людей через слово. Именно здесь автор проявляется как культурный лидер, человек, способный объединять и вдохновлять.

Книга Михаила Айдинова – это не просто автобиография. Это исповедь. В ней нет стремления к саморекламе или героизации. Напротив, автор обнажает свои слабости, ошибки, сомнения. Именно эта честность делает книгу подлинной. Ее можно читать как документ эпохи, как хронику личной жизни или как художественное произведение. Но в любом случае она остается главным – свидетельством

любви. Книга-миссия «Я люблю тебя, жизнь» соединяет личное и общее, частную историю и историю страны, журналистику и театр, любовь и служение. Михаил Айдинов создает образ человека, который сохранил верность самому главному – любви как состоянию души. Его исповедь становится не только итогом жизни, но и посланием тем, кто ищет ориентиры в современном мире.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

Главы из книги

— Михаил АЙДИНОВ

ИЗВИНИТЕ ЗА САМОРЕКЛАМУ

Начну с банальности: жизнь каждого человека уникальна и может стать сюжетом для художественного произведения. Не случайно мемуары занимают солидное место в собраниях сочинений писателей и на прилавках книжных магазинов. Кто из медийных фигур не думал о написании воспоминаний? Увы, я не исключение.

Залогом того, что книга будет интересна широкому читателю, является моя биография (поездки в десятки стран), участие в важнейших политических событиях новейшей истории Грузии (гражданская война, абхазский и осетинский конфликты, покушение на Шеварднадзе), профессия, благодаря которой довелось познакомиться с великими современниками от Высоцкого до Тарковского, от Эрнста Неизвестного до Зиновия Гердта, от Котэ Махарадзе и Софики Чиаурели до Гуранды Габуния и Отара Мегвинетухуцеси.

Триггером послужили два обстоятельства: прочтение автобиографических книг Бориса Пастернака и знакомство с зарубежным драматургом, во время которого меня представили как известного журналиста. Действительно, в журналистике я достиг определенных высот (кокетничаю!). Заслуженный журналист Грузии, неоднократно союзы журналистов Грузии и РФ награждали меня как лучшего журналиста года. На моем счету победы на аналогичных конкурсах Южного Кавказа, СНГ и стран Балтии, Евросоюза, диплом самого толерантного редактора страны (редактируемые мной газеты «Многонациональная Грузия» и «Русское вече» также получали подобное звание). Не меньше титулов, связанных с литературной деятельностью. Союз писателей Грузии удостоил меня, члена этого союза, звания лауреата премий Давида Агмашенебели за три последние книги, Нико Николадзе – за публицистику, Иванэ Мачабели – за переводы грузинских прозаиков. К этому следует добавить звания «Попечитель грузинской культуры» и «Знаменосец мира» (дипломы присуждены Союзом писателей Грузии), руководство Пушкинским обществом русскоязычных литераторов Грузии «Арион», проведение литературных конкурсов, приуроченных к юбилеям классиков русской литературы, митингов в день рождения Пушкина у его бюста в Тбилиси, выпуск литературного альманаха «На холмах Грузии», работу в грузинских книжных издательствах. За цикл литературоведческих работ я стал

лауреатом престижного международного конкурса «Золотой Витязь». И это не считая званий «Посол мира» ООН, «Рыцарь толерантности», орденов и медалей Грузии и РФ, врученных за общественную, журналистскую и литературную деятельность (более четверти века возглавляю совет лидеров этнических меньшинств при Общегражданском движении «Многонациональная Грузия», объединяющий руководителей НПО двадцати диаспор, Ассоциацию русскоязычных журналистов Грузии).

Вот и подумал, почему бы не рассказать о пройденном пути, нарисовать картину жизни человека, волею судеб видевшего много, оказывавшегося в нужный момент в нужном месте. Быть может, объективный рассказ поможет читателям узнать новые детали известных событий и то, что было от них скрыто?

РУКИ БАБУШКИ

Руки – добрые, ласковые, заботливые руки бабушки – вот самые ранние воспоминания моего детства. Как много они умели, эти руки – волшебницы: постирать, погладить, приготовить обед, убрать квартиру. Но большую часть времени они посвящали мне – ласкали, кормили, одевали. Фактически все мое детство прошло на этих шершавых, приятно пахнущих сдобой и еще чем-то неуловимым руках.

Во многих западноевропейских языках «бабушка» переводится как «большая мама». Как же это точно. Бабушка Люся Сергеевна была для меня настоящей мамой. Недаром все поздравительные открытки к ней я начинал с традиционного «Дорогая мама!»

С бабулей я делал первые шаги по нелегкому пути познания окружающего мира. Когда мне исполнилось четыре года, она научила меня читать. Началось все с простого заучивания прочитанных книг. Каждое утро я прибегал чуть свет к постели бабушки и просил: «Почитай!», готовый слушать одну и ту же сказку, пока не мог повторить ее сам – так что «читал» книжку, еще не понимая значения букв.

Великое таинство русского алфавита открылось мне благодаря кубикам, обыкновенным детским кубикам с рисунками, названия которых начинались на эти бук-

На руках у любимой бабушки

вы. Я до сих пор храню эти стертые от времени кубики, приведшие меня в университет.

Школьные и университетские годы также прошли под знаком бабушкиных рук, помогавших мне приобщиться к новой, взрослой жизни. Забежишь на минутку перекусить, набросишься на свежую газету или увлекательную книжку, а бабушка молча садится рядом и кормит тебя, как маленького, с ложечки. Ты машинально разеваешь рот, также машинально пережевываешь и глотаешь пищу, а потом искренне удивляешься – когда успел поесть?

Музыка, языки, живопись, все, чем «пичкают» ребенка заботливые родители, было на плечах у уже немолодой женщины. А поздно вечером все те же родные руки, почти не прикасаясь, гладили мою непослушную голову, и я сладко засыпал под звуки старинной колыбельной, которую потом сам пел своему сыну.

Шли годы. В доме появился новый член семьи, для бабули – невестка ее невестки, моя супруга. И надо было видеть, как терпеливо и деликатно приобщала она девушку из другого города, иной социальной и языковой среды, к местным обычаям и устоям, кавказским традициям, помогала россиянке легче переносить болезненный для многих процесс адаптации.

В первое же утро пребывания Тани в нашем доме бабуля разбудила ее и сказала: «Я приготовила завтрак для вас, но твоему мужу будет приятнее принять его из твоих рук». В ее словах не прозвучало: «Встань, сделай, принеси», но для девушки,

не привыкшей заниматься домашним хозяйством, этого было достаточно. После моего ухода она попросила Люсю Сергеевну научить ее готовить блюда кавказской кухни. С тех пор забота о состоянии моего желудочно-кишечного тракта перешла в надежные Танины руки.

Бабуля, естественно, отдала часть своей неизменной любви сначала жене своего внука, а потом и правнуку. Немало горя довелось испытать на своем веку этой скромной, непритязательной женщине: она осталась вдовой в 53 года, годами ухаживала за сыном-инвалидом, а затем – за тяжело больным правнуком. Пережила смерть малыша, в котором души не чаяла. И сама уходила из жизни в жесточайших муках, но ни разу не побеспокоила никого из близких жалобами на невыносимую боль.

Чувствовала себя ужасно неловко, когда в последние недели после бессмысленной операции (врачи поставили диагноз «цирроз печени») уже не могла обслуживать себя сама. Что это значит для человека, посвятившего свою жизнь служению ближним, объяснять не приходится.

Мир праху твоему, бабуля! Спасибо тебе за все! Если бы ты знала, как мне трудно без тебя, как я нуждаюсь в твоих добрых руках!

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Рос я в зажиточной семье. Дед по отцовской линии был директором знаменитого магазина «Хрусталь» на проспекте Руставели. Дом – полная чаша. Черную икру ели, как говорится, ложками. На

Семейство Айдиновых. 1953

столе постоянно были деликатесы. Еще при прадедушке в доме установили один из первых в Тифлисе телефонов, а дед приобрел один из первых телевизоров, когда в 1956 году начало вещание Грузинское телевидение, и все соседи собирались у нас по вечерам, чтобы в очередной раз посмотреть французскую комедию «Жюльетта» с обаятельным Жаном Маре в главной роли.

«ЗИС» – завод имени Сталина. Эта аббревиатура была на детской машине, подаренной мне дедушкой на пятилетие. Грандиозная по масштабам, она значительно превосходила размером более поздние аналоги и вызывала повышенный интерес и даже зависть ровесников. А девочки вели себя так, как ведут себя представительницы прекрасного пола всех времен и народов – ластились ко мне и чмокали в щечку за право прокатиться в открытом кабриолете.

Но не меньше я любил привезенную из Германии уникальную фарфоровую куклу с закрывающимися глазами, произносившую какие-то слова на непонятном языке. Очень любил игру в «дом-дом». У меня имелась игрушечная мебель для спальни, гостиной и кухни, постельные принадлежности, одежда для кукол, посуда и даже кукольная мясорубка. А самыми любимыми игрушками были бурый медведь и тряпичная кукла Катя, у которой сгорела часть головы от раскаленной лампы, и мне пришлось набить ее ватой и прикрыть сшитой собственноручно косынкой.

На новогодний праздник в

детском саду мне пошили костюм зайчика. До 10 лет я искренне верил в существование Дедушки Мороза. Моя младшая сестра Мила раскрыла мне глаза – подвела к родительскому шкафу и показала книгу «Турецкие сказки» и новый шахматный набор: «Их мама и папа положат под елку, будто подарок Деда Мороза». И какво было мое разочарование, когда утром 1 января я обнаружил уже виденные сувениры и понял, что сестра была права. Как хотелось бы вернуться в то беззаботное время, когда и солнце светило ярче, и трава была зеленее...

Отдых на всесоюзных курортах, богатейшая домашняя библиотека, большие шумные компании за столом – все это кончилось, когда дедушка заболел раком горла. После операции ему установили трубку, что мешало есть и говорить (это очень пугало меня и младшую сестру). Он умер, когда мне было девять лет, и вскоре его уход почувствовала вся наша многочисленная семья. Зимнее пальто, к примеру, мне сшили из портьеры, а когда я вернулся домой после четырех лет, проведенных по больницам, мне купили вместо пальто прорезиненный плащ, в котором я постоянно мерз, и на котором были многочисленные порезы. (Первое настоящее пальто меня заставила купить Таня в первый год супружества).

Характер мой проявился с детства. Отец – человек мягкий, уступил бразды правления маме, так что ни один серьезный вопрос в семье не решался без

моего участия. Даже то, что мы живем в центре города – моя заслуга. Когда в 1964 году разрушали дедовский дом на бывшей Песковской улице и предложили поселиться в только что сданную новостройку в начале проспекта Дружбы в Дигоми, я настоял на альтернативе – переждать два года по гарантийному письму и остаться здесь же, на Воронцова.

Аналогично было и с другими вопросами. Мебельные гарнитуры из Москвы мы привозили с мамой, решение об операциях, учебе, трате семейного бюджета мама принимала не с мужем, а с сыном-подростком.

Я где-то прочитал, что Александр Македонский набирал свою гвардию из солдат, краснеющих при опасности, оказывается, это связано с выбросом норадреналина. А вот трусы при опасности бледнеют. В моем окружении всегда говорили, что я при виде препятствия багровел и танком шел на противника. И хотя физически я не силен (сказался запрет заниматься спортом из-за хронической болезни), всегда брал духом, напором, уверенностью в победе.

Раннее детство мое пришлось на 50-е – постсталинские годы. Сама эпоха предопределила мою общественную активность. Когда меня приняли в пионеры, я взял на себя функцию политинформатора – ходил по квартирам соседей и рассказывал о происходящих в стране и мире событиях. Помню их реакцию на Карибский кризис 1961 года, когда Никита Хрущев объявил всеобщую мобилизацию. По ужасу в глазах взрослых, переживших самую кровопролитную из войн, я понял, что надвигаются страшные катаклизмы. К счастью, благодаря мудрости политиков удалось избежать ядерного апокалипсиса.

Когда я учился в начальной школе, прочитал в «Пионерской правде» о японской девочке, родившейся у мамы, облученной после взрыва «Малыша» – американской атомной бомбы в Хиросиме 6 августа 1945 года. Девочка верила, что если сделает миллион оригами – бумажных журавликов, то смертельная болезнь отступит. Господи, сколько журавликов я, как и многие дети из разных стран, посылал в Японию, нацелив на это благородное дело свой пионерский отряд. Но, увы, девочку спасти не удалось.

Я рос свободным человеком (ведь свобода – внутреннее состояние личности), вот почему мне было непонятным поведение моих родителей, вычеркивавших в свое время по требованию властей из энциклопедии фамилии так называемых «врагов народа». Чувство страха мне было незнакомо. Уже в юношеские годы я читал самиздат (юным читателям следует разъяснить, что так назывались рукописи запрещенных в СССР художественных и публицистических произведений).

До сих пор у меня хранятся «слепые» листы после пятой копии, которые сам печатал у себя дома, абсолютно не беспокоясь о последствиях. Печатал не потому, что был антисоветчиком, наоборот – искренне верил и верю до сих пор в преимущество общества социальной справедливости. Надеюсь, человечество в конечном итоге придет к пониманию того, что именно эта модель – будущее нашей многострадальной планеты.

Прекрасно осознавая все недостатки однопартийной системы, я оставался патриотом своей Родины и предпочитал не сетовать на «грязь», а вычищать ее. Ну а самиздат читал, чтобы держать руку на пульсе, знать, что думают недоброжелатели.

Когда пал «железный занавес», начался хрущевский период «оттепели», в страну стали приезжать западные исполнители, на экранах кинотеатров появились американские, французские, итальянские фильмы («Восемь с половиной» Феде-

На новогоднем празднике

рико Феллини даже победил на Московском международном кинофестивале). В этот период был очень популярным джаз (я так и остался любителем этого направления музыки на всю оставшуюся жизнь). В Тбилиси гастролировали певцы из Франции Жак Дувалян и Жан Татлян, джазовый оркестр из Армении, на концерты которых попасть было невозможно.

Именно тогда я создал в детском саду «джазовый ансамбль»: сам брэнчал на фортепиано, Сейран Чечелян дудел в детскую дудочку, имитируя саксофон, а Отар (к сожалению, фамилию запамятовал) барабанил. Помню нашу первую композицию – «Кумбачеро».

Любовь к музыке мне привила соседка – профессор Тбилисской консерватории Тамара Кобиашвили. Дочь фрейлины по-

следней российской императрицы Александры Федоровны случайно осталась в нашем городе. После революции 1917 года ее родители вернулись из Петербурга на историческую родину, но красная волна накрыла их в 1921 году и в Тифлисе, вот почему семья решила направиться в эмиграцию. Тамара, учившаяся тогда в консерватории, осталась, чтобы завершить образование, но после получения диплома ее так и не выпустили в Париж.

Мы познакомились, когда она уже была на пенсии, а мне исполнилось пять лет. Кроме того, что профессор Кобиашвили подготовила меня к поступлению в музыкальную школу по классу фортепиано, она привила мне любовь к живописи. Альбомы крупнейших музеев мира, которые она дарила, помогли мне в будущем. Когда я попадал в Лувр или Прадо, Уффици или Эрмитаж, Питти или Пергамский музей в Берлине, безошибочно шел по залам в поисках полубившихся шедевров.

Тут кстати вспомнить эпизод о воздействии на меня волшебной силы искусства. Во Флоренции я оказался перед великими полотнами Боттичелли «Рождение Венеры» и «Примавера» и словно остолбенел: не могу пошевелиться, лишь поворачиваю голову то на одну, то на другую картину, из глаз льются слезы. Видя мое состояние, экскурсовод затягивает свой рассказ и только минут через 20, когда я немного отошел от шока, продолжает экскурсию по музею.

На всю жизнь я запомнил уроки культуры и нравственности Тамары Николаевны Кобиашвили. Однажды она мне, шестилетне-

Обладатель первого детского ЗИСа в Тбилиси

Так начиналось грузинское телевидение

му сопляку, сказала, как обычно обращаясь на «вы»: «Сыграйте эту сонату три раза, и я вас отпущу играть в футбол». Выполнив задание, я неожиданно услышал: «Нет, вы сыграли только два раза». Раздраженный, я воскликнул: «Ты у меня хитренькая, хочешь, чтобы я дольше посидел за пианино!» Тамара Николаевна словно проглотила язык. До конца жизни (а прожила она почти до девяноста лет) пожилая женщина не могла простить мое амикошонство. Это стало для меня уроком на всю жизнь. И по сей день я общаюсь со своими студентами на «вы», а в целом лишь очень ограниченному кругу лиц позволяю «тыкать».

После окончания музыкальной школы Тамара Николаевна настаивала на том, чтобы я продолжил образование в музыкальном училище с прицелом на консерваторию. У меня же были другие планы. К тому времени я уже выпускал рукописный журнал типа «Веселых картинок» для младшей сестры и четко знал, что стану журналистом. Но чтобы не обижать женщину, которая сыграла такую знаковую роль в моей жизни, я готовил произведения, изучаемые в музыкальном училище, и исполнял их профессору Кобиашвили, которая так и умерла уверенной, что я – будущий пианист. (Так Ленину перед смертью печатали газету «Правда» в одном экземпляре с только хорошими новостями – зачем печалить больного человека.)

Музыкальная грамота приносила мне определенные префе-

ренции. Конечно же, облегчала общение с девушками (Бог не обделил меня слухом и голосом, бархатные нотки которого растопили не одно девичье сердце). А однажды владение инструментом принесло даже материальный доход. Я выиграл грант Американского агентства развития USAID и два месяца провел в США. Как-то в Чикаго попал на концерт джазового диксиленда. Услышав любимую мелодию Гершвина, поднялся на сцену и подсел к пианисту. Артисты не позволили мне уйти после первого номера, пришлось играть в четыре руки знакомые произведения и импровизировать, когда их не знал. После концерта руководитель бенда протянул мне две стодолларовые банкноты, а когда я отказался («За удовольствие денег не берут»), ребята повели меня в ближайший молл и купили кремовый летний костюм из Филиппин и ботинки – «инспекторы». До сих пор ношу их и с улыбкой вспоминаю свое таперство.

В моем детстве была еще одна Тамара Николаевна – Гоглидзе, заслуженный художник Грузии. И то, что у меня есть определенные навыки в этой сфере (сохранились довольно приличные детские рисунки) – заслуга любимого педагога.

Говоря о детстве, нельзя не рассказать о своей первой книге. В четыре года я изучил русский алфавит (грузинский, армянский, английский и латынь – намного позже). Родители стали заниматься моим образованием лишь после того, как увидели, что я, сидя на горшке, внимательно «читаю»

роман Эмиля Золя «Нана». Дело в том, что собрание сочинений французского классика стояло на нижней полке книжного шкафа, возле которого меня и посадили. Конечно же, я почти ничего не понял из прочитанного, но именно с Золя началось мое многолетнее путешествие в великий мир литературы.

В моей спальне напротив кровати расположены книжные стеллажи. Горжусь своей библиотекой, насчитывающей свыше трех тысяч томов. Каждую ночь, прежде чем положить на полку очередной том или электронную книгу, окидываю взглядом любимые корешки...

Много лет занимался коллекционированием марок, открыток, монет, банкнот, спичечных этикеток. Началось все с подарка одного из самых известных филателистов СССР, одноклассника моего отца Отара Давидяна (они учились в одном классе с будущим политиком Евгением Примаковым), принесшего мне марки африканских колоний, которые в 1961 году обрели независимость. Треугольные, круглые, ромбовидные, с яркими экзотическими рисунками, сегодня они бы стоили больших денег. Но их в подростковом возрасте украли мои двоюродные братья и за гроши продали на Сухом мосту. Часть марок и купюр пропала во время переезда в новый дом. Ну а большую часть коллекции я раздарил знакомым, для которых эти раритеты значили гораздо больше, чем для меня.

Отдельная тема – кино. При советской власти в Тбилиси имелись десятки кинотеатров, репертуар которых менялся дважды в неделю – по понедельникам и четвергам. Мы, воронцовские мальчишки, предпочитали залы, расположенные на Плехановском проспекте – стереоскопический «Накадули» (задолго до изобретения американцами системы ЗД), «Колхида» (стационарный и летний), клуб Горького, «Комсомолец», «Амирани», Дом работников госторговли, летний ГОФИЛЕКТ, «Октябрь». Не меньше кинотеатров было на проспекте Руставели – клуб медработников, «Руставели», «Спартак», Дом офицеров, «Тбилиси», Дом кино... Когда я стал постарше, ездил в Ваке («Казбеги»), Сабуртало («Танамгзаври», «Газапхули»), на Авлабар («26 комиссаров», «Исани»), Авчальское

шоссе («Сакартвело») — туда, где анонсировали артхаусные ленты, выпускаемые в мизерном количестве копий — фильмы Бергмана, Антониони, Тарковского, Шабрoля. И каково было мое негодование, когда вместо этих шедевров крутили «Зиту и Гиту» или «Есению» (в Тбилиси обожали индийское и мексиканское кино).

Цена на билеты была демократической: на утренние сеансы — 20 или 25 копеек, на вечерние — 30, 40, 50, а самые дорогие в широкоформатных кинотеатрах — 50 и 70 копеек. На популярные картины — «Фантомас», «Клеопатра», «Великолепная семерка» — билеты было не достать. Зрители часами простаивали в очередях. Возник даже специальный институт перекупщиков, продававших заветные билетки втридорога.

Но это не сравнить с ценами на билеты сегодня, когда в столице остался лишь один кинотеатр «Амирани» плюс пара-тройка залов в торговых центрах. Стоимость билетов привела к тому, что они фактически пустуют. Да и подбор репертуара оставляет желать лучшего. Если мы смотрели ленты — обладатели Гран-при Каннского, Венецианского, Берлинского, Сан-Себастьянского, Московского кинофестивалей, шедевры французского, итальянского, испанского, немецкого, польского кинематографа, то сейчас только голливудская «жвачка для глаз» — примитивные блокбастеры, рассчитанные на малообразованных тинейджеров.

ЕСЛИ БЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СОСТОЯЛО ИЗ ГУСЕВЫХ

Когда пришла пора идти в школу, я четко сказал маме: «В твою не пойду, не хочу, чтобы мне делали поблажки, как сыну директора». Учился в 37-й школе, где из-за разницы фамилий с мамой никто не знал, чей я сын. Окончил учебу так, что родители не имели никаких забот, даже в дневник не заглядывали. До сих пор храню один из дневников, в котором делал любопытные записи, иногда весьма фривольные, едко оценивающие педагогов и соучеников.

Не раз становился победителем научно-творческих конференций учащихся по многим дисциплинам. Одна из моих работ была посвящена творчеству тогда еще малоизвестного художника Ладо Гудиашвили. Приложил к ней подаренную

мне картину кисти будущего лауреата Ленинской премии и Героя Социалистического Труда. Став постарше и осознав, какую глупость сделал, я обратился к руководству Дворца пионеров с просьбой вернуть полотно. Понятно, что картину «не нашли». Представляю, сколько она сегодня стоит, но жалею о потере, естественно, не из-за материальной составляющей.

Мне одинаково легко давались и точные, и естественные науки, в гуманитарный вуз пошел осознанно, а не потому, что другой путь был недоступен. А вот золотую медаль так и не получил из-за собственной принципиальности. Заместитель директора школы, чья дочь так же претендовала на медаль, провела со мной приватный разговор: «У тебя одна четверка по черчению, а у моей Наташи — две. Давай закроем на это глаза и поменяем ведомости». И хотя четверку по черчению я получил в конце восьмого класса, когда только вернулся в школу после нескольких лет пребывания в больнице, и рука была еще недостаточно тверда, я категорически отказался от этого предложения.

Боюсь, что многие читатели меня не поймут, поэтому расскажу, в какой семье воспитывался, откуда подобная принципиальность. Знаете ли вы хоть одну дочь директора школы с троечным аттестатом? Знакомьтесь: это моя сестра Людмила Юрьевна. Милочка хорошо владела английским и планировала поступить в иняз. Педагоги ставили ей отличные оценки, но мама предупредила: «Девочка не знает алгебру и физику даже на четверку. Зря не старайтесь, все равно я буду в экзаменационной комиссии».

В тот период при поступлении в вуз учитывались и данные аттестата зрелости. (Одна родительница, плохо владевшая русским языком, написала в заявлении на имя моей мамы: «Моя Генриха тоже хочет верхние образование получить»). Из-за нескольких троек Мила не набрала необходимых баллов. Двоюродная сестра отца — тогдашняя преподавательница иняза искренне удивилась: «Почему вы не предупредили, что девочка поступает к нам, я бы решила этот вопрос». Но не такими были мои родители — старые большевики.

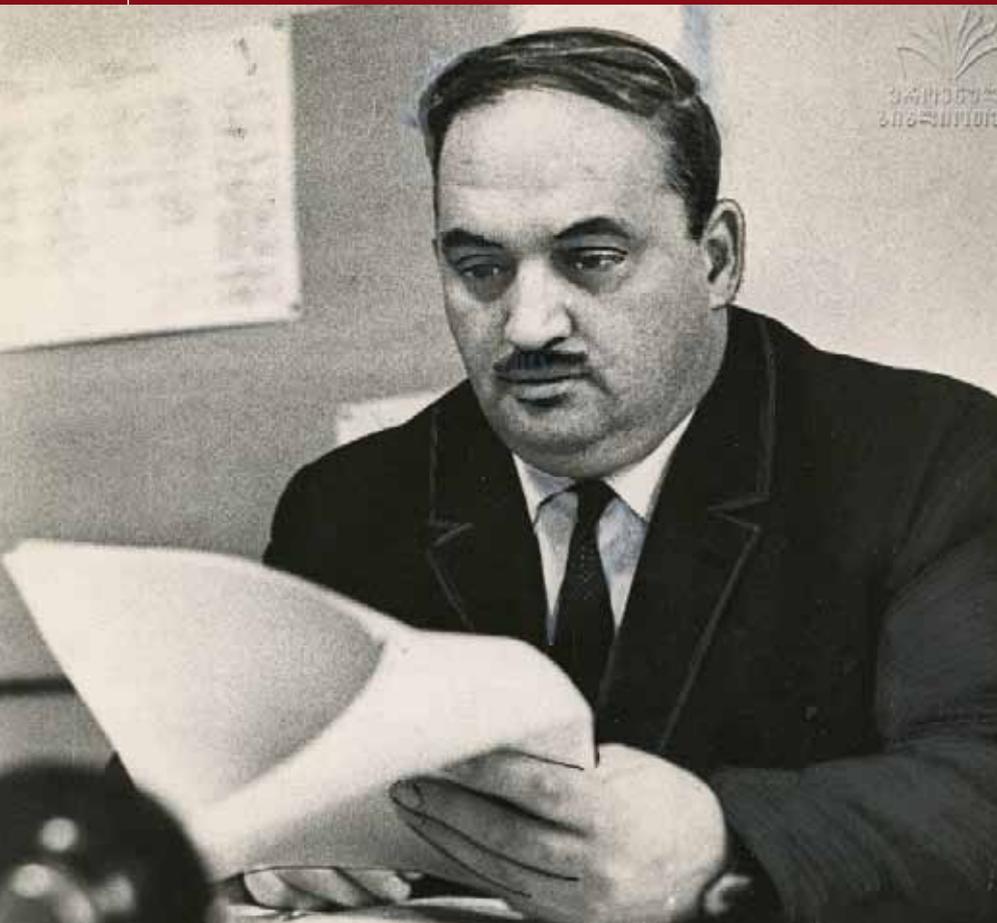
Отец устроил Милу корректором в подведомственную ему типографию (по советским законам, абитуриент, не поступивший в вуз, должен был отработать год до очередных экзаменов). Начальник типографии сказал новой сотруднице: «Можешь здесь не появляться. Приходи к концу месяца за зарплатой». Когда на следующий день отец не обнаружил на рабочем месте дочку, наказал подчиненного, а Мила целый год беспрекословно провела в темном, сыром подвале, где располагалась типография.

Советскость родителей порой доходила до абсурда. Скажем, когда отец как начальник отдела получал премию, то делил ее среди своих сотрудников, а из-за повышения подоходного налога следующую зарплату принорил весьма усеченной. Подарками мы с сестрой были обделены. Считалось, что дети должны расти скромно. А вот к соседям, родственникам, нуждающимся проявлялись обязательные знаки внимания.

Мама никогда не принимала от учеников и их родителей даже цветы и конфеты, а если что-то все-таки проникало в кабинет, раздавала коллегам. А много ли директоров школ отказывались от предложения прорабов, проводивших постоянные ремонты в школе (косметические, текущие, капитальные), привести в надлежащий вид их квартиры (естественно, закрывая глаза на финансовые нарушения)? Так вот, несколько десятилетий в нашем доме на улице Хетагурова ничего не менялось, пока жена Таня сама (подключив меня), не обновила обою.

В детстве мы с Милой обижались на родителей, считая, что к нам излишне строги, в чем-то обделяют, но, став старше, поняли, что такое воспитание — единственно правильное. Побольше бы подобных людей, и человечество обязательно изменилось бы к лучшему.

Помните главного героя фильма «Девять дней одного года» — физика Гусева в исполнении Алексея Баталова? В картине прозвучала фраза: «Если бы человечество состояло из Гусевых!» Такими «Гусевыми» были мои родители, «Гусевым» пытался прожить свою жизнь и я.

Владимир Чавчанидзе

ВЛАДИМИР ЧАВЧАНИДЗЕ

— Омар ШУДРА

1984 год. Огромной страной правит тяжелобольной Черненко. Настроение, по крайней мере, в научных кругах, — паршивое.

Из ворот первого корпуса ТГУ выхожу на улицу. Издали замечаю академика Владимира (Вову) Чавчанидзе. Он, после долгих пересудов, будучи директором Института кибернетики на протяжении 20 лет, вынужден был недавно пост покинуть и стать заведомым в Институте систем управления (или как его называли — Институт Элиашвили).

Здоровуюсь кивком и собираюсь идти по своим делам. Неожиданно он подходит ко мне и говорит: «Шудра, отвези на такси в институт...» Я, конечно, выполнил просьбу оппонента моей диссертации десятилетней давности. Уверен: его мучило отсутствие былой славы, всеобщего внимания, тепла после опалы...

Говорили, что он легко перенес удар судьбы, что, мол, попржему шутил... Но тогда, в машине, он сидел молча...

Родился Вова Чавчанидзе в Сухуми в сентябре 1920 года, в семье домохозяйки Елены Таушкиной и успешного инженера Валериана Чавчанидзе, которому приходилось часто ездить в командировки за границу, в частности в Иран.

Учился в тбилисской 26-й школе. В шестом классе победил на Первой Всесоюзной олимпиаде по математике, переписывался с известным академиком Н. Лузиным. Затем как отличник в 1936 г. без экзаменов поступил на физический факультет ТГУ.

В 1937 г. отца арестовали (он потом умер в ссылке). Семью «врага народа» (мать и троих сыновей) переселили в сырой подвал дома №33 на улице Клары Цеткин (нынешняя Ци-

намдзгвршвили). Дети росли в крайней нужде, но в атмосфере тепла и любви, которой окружала их мать.

Завершив учебу в 1941 г., В. Чавчанидзе собирался в Ленинград, в аспирантуру, но с началом войны его мобилизовали на учебу в Тбилисское горно-артиллерийское училище (впоследствии Тбилисское высшее артиллерийское командное училище), где осуществлялась подготовка офицеров-артиллеристов для действующей армии по программе ускоренной подготовки. На доске почета долго висело его фото — отличника учебы.

Воевал офицер Чавчанидзе в Румынии, Чехословакии, Венгрии (там был серьезно ранен), на Дальнем Востоке, в Манчжурии.

После демобилизации поступил в аспирантуру Физического института АН СССР, занимался под руководством известного московского физика И. Тамма. Вместе с ним учился и Андрей Сахаров (впоследствии и Тамм, и Сахаров стали Нобелевскими лауреатами).

В 1950 г. В. Чавчанидзе вернулся в Институт физики АН Грузии и вскоре защитил кандидатскую диссертацию — методом «Монте-Карло» (тогда популярным) создал общий метод моделирования экспериментов. Результаты диссертации Москва использовала в строительстве крупнейшей в мире Сталинградской ГЭС — в частности, в проблеме расчета объема бетона для перекрытия Волги.

В 1958 г. В. Чавчанидзе назначили заведомым автоматики института, который вскоре преобразовали в физико-кибернетический отдел.

В годы, когда в СССР кибернетику считали лженаукой, «служанкой империализма», Вова Чавчанидзе открыл в ТГУ Проблемную лабораторию физической кибернетики. А в 1960 г. (на фоне московских амбиций) — первый в СССР Институт кибернетики, и весь отдел Института физики (42 сотрудника) перевели туда. Институту выделили прекрасное здание на ул. Читадзе, № 6, бывший Институт благородных девиц с роскошным танцевальным залом. Тог-

да там размещалась Партийная школа. Затем – Министерство иностранных дел.

В. Чавчанидзе привлек к работе интеллектуальную элиту Грузии. (Заместителем директора назначили Игоря Букреева. Вскоре им заинтересовалась Москва – в связи с созданием Центра микроэлектроники в Зеленограде, а затем его перевели заместителем министра электронной промышленности СССР).

В 1964 г. Вова Чавчанидзе создал в ТГУ факультет кибернетики. Через год – защитил докторскую диссертацию. Затем его выбрали членом-корреспондентом АН Грузии и академиком.

Институт стал лидером в физике оптоволокна, голографии, жидких кристаллов. Были созданы технологии управления крылатых ракет, связи с подводными лодками и др. Так Институт кибернетики стал «режимным».

В 1975 г. институт провел 4-ю Международную конференцию по искусственному интеллекту. Число сотрудников в новом огромном здании в районе Сабуртало, в конце проспекта Важа Пшавела, достигло более тысячи человек.

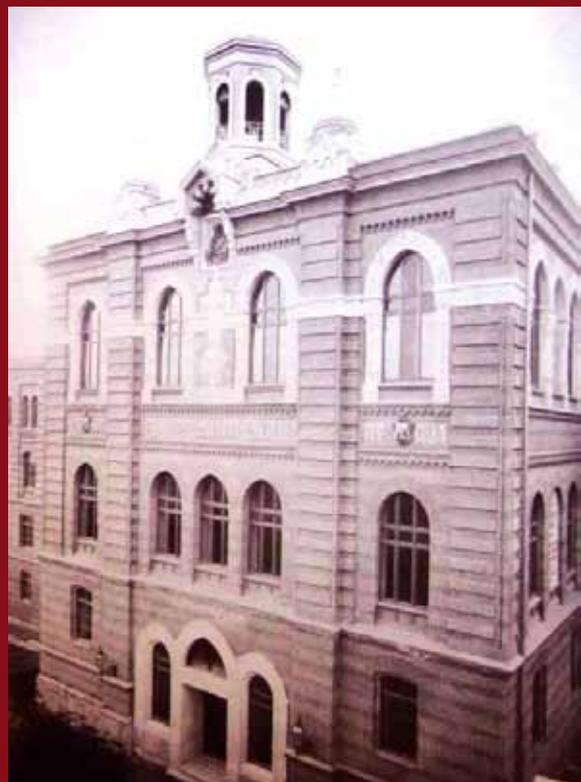
На фоне этих успехов, как это часто бывает, начались интриги бывших учеников против учителя... Воистину, «ни одно доброе дело не остается безнаказанным».

Хотя главная причина притеснений заключалась в том, что Вова Чавчанидзе был против вывода института из системы АН Грузии и переподчинения его Москве – как стратегического объекта.

В 1981 г. Владимиру Валериановичу пришлось на несколько лет перейти на должность заместителя директора, а с 1984 г. вместе со своим поредевшим отделом перебраться в Институт систем управления АН Грузии.

В последние годы Вова Чавчанидзе увлекся проблемами биокибернетики, теорией искусственного интеллекта. Он автор 300 работ, 20 изобретений и монографии. Был членом многих редколлегий, до конца жизни редактировал (иногда даже за свой счет) научно-реферативный журнал «Наука и технологии».

Он был эталоном масштабного мышления, блестящим оратором, обладающим особым даром убеждения, генератором идей. Колоритный, очень

Институт благородных девиц в Тифлисе

подвижный человек, он непрерывно сыпал анекдотами, знал множество стихов. Его общая эрудиция, человеческая открытость и доброта просто завораживали собеседника (и высокое начальство в том числе). Вот поэтому – «батони Вова», а не Владимир...

В конце девяностых ушла из жизни его жена Вера Мумладзе, одноклассница и сокурсница Вовы, зав. отделом лазеров в институте. Вскоре заболел и он. Много лет работал дома, в окружении книжных полок вплоть до потолка, оставаясь душой молодым.

Славный сын Грузии, лауреат премии им. Меликишвили, кавалер боевых орденов и ордена Чести, Владимир Валерианович Чавчанидзе умер в январе 2010 г. в возрасте 89 лет.

Институт кибернетики носит его имя.

Трудно завершить статью о фанатике науки в самом лучшем и высоком значении этого слова по «академическим стандартам» нашей рубрики.

Все-таки очень жаль, что, как сын не возвращает заботу родителю, так и мы не смогли вернуть Вове его тепло и любовь...

С. Ригвава, В. Чавчанидзе, Е. Харадзе и Ф. Тавадзе

Александр Полян

ТЕАТР КАК СУДЬБА

■ Соб.инф.

Тбилисский театр-антреприза «Арион», основанный в 2007 году, за почти 18 лет своего существования стал важной составляющей русскоязычной культуры Грузии. Созданный при одноименном литературном обществе, возглавляемом Михаилом Айдиновым, изначально он ставил себе целью постановки пьес грузинских драматургов, но впоследствии творческий диапазон расширился: на сегодняшний день в истории театра – инсценировки русской и мировой классики, постановки по произведениям современных зарубежных авторов. О судьбе театра «Арион», его развитии, перспективах и вызовах мы побеседовали с Александром Поляном – актером театра и кино, заведующим постановочной частью.

– Что для вас значит быть актером – это профессия, призвание, самопознание?

– Полагаю, в актерстве одновременно сосуществуют все эти три составляющие. Без призвания становиться актером не следует. Актерство – это также и профессия, которая включает определенные навыки и мастерство, которым необходимо обучаться. И, безусловно, это самопознание, так как в процессе работы над ролью артист обнаруживает в себе самом новые, нераскрытые грани собственной личности.

– Какой момент стал поворотным в вашем решении стать акте-

ром?

– В школьные годы я занимался бальными танцами, и это во многом помогло мне понять труд артиста. Особенно после того, как наш ансамбль был приглашен принять участие в «Рождественской сказке» тбилисского ТЮЗа в постановке Гии Кития. Я наблюдал, как из изнурительных репетиций рождается волшебство, и это во многом определило мою дальнейшую судьбу.

– Какие роли вы считаете знакомыми в своей биографии?

– Сыграно было немало – как на театральных подмостках, так и в стендапе. Но особенно врезались в память Анатолий в спектакле «Я вижу солнце» и солдат в «Георгий Мазнишвили. Время 24 часа» в постановке Гоги Кавтарадзе, Сева в «Достоевский.ru» Андро Енукидзе в театре имени Грибоедова. Еще мне хотелось бы отметить участие в новогодних постановках Грибоедовского театра, а также в представлении «Я, Булат Окуджава». Одной из дорогих для меня стала роль Алеши Карамазова в драме «Братья Карамазовы», которую поставила Ирина Квицинадзе, и, безусловно, образ Овода в одноименном спектакле театра «Арион» в постановке Светланы Плиевой.

– А какие кинороли вам особенно запомнились?

– Так уж сложилось, что в большинстве грузинских и зарубежных картин мне доставались роли военных, причем разных эпох и стран – немецких офицеров, красноармейцев, полицейских. Это фильмы «Война и свадьба», «Зимняя грусть», «Горная болезнь», «Сван», «Красный», «Сода», сериалы «Керчь» и «Тифлис». И, конечно, не могу не назвать роль, которая стала моей исполненной мечтой – штабс-капитан царской армии Ян Домбровский в мини-сериале «Приговор эпохи», который мы снимали вместе с Иреной Кескюль. Картина посвящена судьбе белого офицерства в Грузии. Главный герой, поляк по происхождению, попадает в мясорубку постреволюционных репрессий и до конца остается верным чести мундира. Этот образ, хоть и вымышленный, особенно мне

дорог потому, что в моих жилах течет кровь польских дворян Домбровских.

– Вы психолог по второму образованию. Помогает ли вам это в работе над ролью?

– Профессия психолога, безусловно, является мощным инструментом для вживания в образ, она помогает быстрее оценить его эмоциональный посыл и передать его зрителю. Образ, созданный мной, живет во мне до следующей роли, я привязываюсь к нему и ношу его в себе, и только перед воплощением следующего героя сбрасываю с себя маску предыдущего.

– Что для вас важнее – актерская техника или интуиция?

– Интуиция и проживание роли.

– Встречались ли вам сценические партнеры, с которыми вы чувствовали абсолютную химию?

– Да. Это особое ощущение легкости в работе, которое приносит удовольствие. Один из таких сценических тандемов – это творческий союз с моей супругой, актрисой Иреной Кескюль. Особенно явственно это ощущается в сложных, пролонгированных постановках, таких, как, например, «Овод», где партнерская поддержка и взаимодействие первостепенны.

– С чего началось ваше знакомство с театром «Арион»?

– В 2022 году я впервые присутствовал на премьере театра «Арион» на сцене театра имени Грибоедова. Это была пьеса

драматурга и актрисы театра «Арион», а также его директора Ирены Кескюль «Духа. Дагны», которую поставил замечательный режиссер Армен Баяндурян. Затем я посмотрел постановку «Жанна и Костер» по пьесе Инги Гаручава и Петра Хотяновского в постановке Михаила Пайкина, где Ирена исполнила роль Жанны. Кстати, за эту работу она недавно получила первое место на фестивале «Golden Time Talent» в Лондоне в номинации «Актерское мастерство». В дальнейшем сложилось так, что антрепризный формат работы стал для меня более уместным, и я стал актером театра «Арион», а вскоре художественный руководитель театра Михаил Айдинов пригласил меня войти в состав правления. Став заведующим постановочной частью, я начал ближе знакомиться с историей этого театра. В 2025 году принял участие в нескольких перформансах, в том числе поэтическом вечере, а еще – сыграл роль карбонария Пьетро Миссирилли в драме-читатке «Ванина Ванини» по новелле Стендаля и роль князя Олега в мини-спектакле «Песнь о вещем Олеге» по одноименной поэме А.С. Пушкина. И, наконец, наш театр «Арион» трижды показал драму «Овод» по роману Э.-Л. Войнич в постановке заслуженной артистки Светланы Плиевой. Третий показ спектакля «Овод» в ноябре 2025 года был приурочен к его победе на международном театральном фестивале в Лондоне в номинации «Театр» и посвящен памяти легендарного актера Олега Стриженова, воплотившего образ Ривареса в кино.

– Каким вы видите будущее русскоязычных театров Грузии, в том числе «Ариона»?

– «Арион», наряду с другими театрами нашей страны, является официально зарегистрированной структурой, хоть и имеет собственный уникальный формат. На мой взгляд, и цели, и будущее у русскоязычных театров Грузии общие – это наведение культурных мостов, развитие русско-грузинских театральных взаимосвязей, сотрудничество в профессиональной сфере.

– Какие вызовы стоят перед

«Овод»

ними и театром «Арион»?

– Если не говорить о нынешнем социально-политическом контексте, который, конечно, отражается и на театральной сфере, то вызовы перед всеми театрами – одни и те же: борьба за зрителя, особенно за молодую аудиторию, поиск художественного равновесия между традициями и новаторством. Но мне бы хотелось сказать о другом и выделить фигуру Михаила Айдинова, подвижника русскоязычной культуры Грузии. Его деятельность на этой ниве трудно переоценить. Это и поддержка авторов альманаха «На холмах Грузии», и грузинских драматургов, пишущих на русском языке, и помощь им в постановке пьес. К сожалению, приходится признать, что эта помощь не всегда бывала оценена по достоинству. Да и заслуги его театра подчас несправедливо замалчиваются, а порой и приписываются другим. Например, недавно появилась публикация, из которой следовало, что ряд спектаклей не был выпущен под эгидой нашего театра. Такое заявление вызвало возмущение не только у антрепризной труппы,

«Овод»

пы, но и у многочисленных поклонников театра, ведь эта информация является ложной. В нашем архиве хранятся все статьи из грузинских, российских, армянских газет и журналов, а также видеозаписи телепередач, посвященные постановкам «Ариона». В упомянутой публикации речь шла о спектаклях «Антреприза для атташе», «Будем надеяться» и «Для любителей решать кроссворды». Эти пьесы поставил театр «Арион», худрук пригласил к участию профессиональных актеров, а также своих студентов, членов одноименного литературного общества, собрал зрителей, организовал площадки для показов в столице и регионах Грузии. И даже, в рамках гранта Министерства культуры, – гонорары для участников. Такие факты неблагодарности и присвоения заслуг «Ариона» и награды, полученной под его эгидой в Армении, исключительно себе и не существовавшему на тот момент собственному театральному проекту являются огорчительными и вносят раскол и непонимание в тесный круг русскоязычных деятелей

культуры Грузии. В эпоху, когда политические коллизии влияют на право говорить со зрителем и читателем, подобные явления вызывают сожаление.

– *Что ваш театр хочет донести до современного зрителя?*

– Прежде всего – напомнить об истинных ценностях человеческой жизни, которые понемногу начинают забываться и трансформироваться. Театр – это язык души, и не стоит искажать и уродовать его в угоду времени.

– *Какие творческие планы и текущие задачи «Ариона»?*

– На данный момент идет работа над спектаклем «Гранели. Крестный путь поэта» по пьесе протоиерея Владимира Александрова. Это трагическая история о «блаженном» грузинском поэте, которому жестокое время обрывает крылья. В разработке – несколько интересных проектов по произведениям европейских и русских авторов. Театр «Арион» формирует свой репертуар на произведениях, которые оставляют глубокий эмоциональный след в сердцах зрителей. Если цель литературы – познать человека, то цель театра – его показать.

«Приговор эпохи»

ТОЛЬКО БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

■ Наталья КОЛОМОЙЦЕВА

В Тбилиси мой отец, инженер-полковник авиации Григорий Дмитриевич Коломойцев, приехал летом 1953 г. Получив назначение на службу в ЗакВО, он решил приехать раньше, чтобы подготовить приезд семьи, которая в это время гостила у моей бабушки, маминой мамы, в городе Кривой Рог.

И вот, в конце лета 1953 г., мы с мамой на поезде приехали в Тбилиси. На вокзале нас встретил папа и повез на временное жилье, в маленькую комнату в военном городке на Авлабаре. Квартира была коммунальной. В ней жили еще две семьи.

Пока мы ехали в такси по городу, с любопытством смотрели в окно. Все здесь было для нас в диковинку: жара, непонятный язык, на котором переговаривались пассажиры в поезде, река Кура и эти удивительные балкончики, нависающие над рекой. Все это было экзотикой.

Такси подъехало к четырехэтажному дому на проспекте Шаумяна (ныне – Кетеван Цамебули). Мы поднялись на второй этаж. Комната была маленькая, но мы не унывали. Вещи, их было немного, сложили у одной стены, посередине поставили столик, у другой стены – две раскладушки с диванчиком. И стали жить.

Запомнилось: жили дружно, с соседями не ссорились. Много гуляли по городу. И кто бы мог тогда подумать, что для моего отца и всей нашей семьи этот город станет родным. И мы проживем здесь всю нашу жизнь. Лично для меня другой родины нет. Моя родина – Тбилиси, Грузия.

Но тогда об этом и речи не было. Просто еще один город, еще один эпизод в кочевой жи-

ни. Поэтому наша маленькая семья (я была единственным ребенком) крепко держалась друг за друга.

Григорий Коломойцев родился 17 ноября 1914 г. в селе Зеленое Пятихатского района Днепропетровской области. Его отец был призван в армию на фронт Первой мировой войны. Когда он родился, мать (моя бабушка) повезла сына к мужу на фронт. Это было тяжелое путешествие, но она встретилась с мужем, и он увидел сына. В следующем году дедушка погиб во время знаменитого Брусиловского прорыва. Осталась бабушка Килина одна с тремя детьми – старшим Леонидом, дочерью Галей и младшим Григорием. Чтобы не умереть с голоду, бабушка снова вышла замуж – за односельчанина Тимошенко. В самые страшные голодные годы отчим ездил по окрестным селам и менял вещи на еду. А рядом было село Гуляй-поле, оттуда постоянно наезжали бандиты атамана Махно – грабить.

Папа очень любил читать. Окончил 10 классов вечерней школы экстерном и поступил в медицинский техникум. Однажды, проходя по улице, увидел агитационный плакат, призывавший вступить в Красную армию, стать авиатором. Он оставил медицинский техникум и поступил в Высшее авиационное училище. Учился на «отлично» и неоднократно награждался фотосессией на фоне Красного знамени.

Окончив училище, Григорий Дмитриевич был направлен в г. Вольск инструктором по летной подготовке.

В конце 1930-х годов открыли прием на новые факультеты

Григорий Коломойцев

Военно-воздушной академии им. Жуковского. Несмотря на очень большую загруженность работой, отец по вечерам усиленно занимался и, успешно сдав все экзамены, был принят в академию в 1939 г.

На втором курсе его с товарищами отправили в летние лагеря на реке Неман под город Львов. Там он и встретил 22 июня 1941 г.

Он рассказывал, как они, курсанты, проснувшись от страшного гула и взрывов, выбежали из казармы, и туда сразу же упала бомба. Все вокруг горело и взрывалось. Самолеты на стоянке были в большинстве уничтожены. Но многие люди не потеряли самообладания. Неожиданно один курсант-летчик подбежал к уцелевшему самолету, сел в кабину и взлетел. Начался удивительный бой. Фашистских самолетов было много. Они окружили наш самолет, но стрелять по нему не могли – он находился в центре, и фашисты боялись подбить свой самолет на противоположной стороне. Неизвестный герой не растерялся: сбил 2-3 самолета противника и сумел посадить свой. Кто это был, отец так и

Семья Коломойцевых

не узнал. А жаль. Летчик был героем и заслуживал награды. Но вместе с героизмом было и вредительство. Когда закончились налет, на поле вывезли цистерны с водой. Выжившие кинулись ее пить. Кто выпил, тот умер – вода оказалась отравленной. Григорий Дмитриевич тоже хотел попить, но вкус воды ему не понравился, и он ее выплюнул...

Вокруг все горело. Командиры собрали спасшихся людей и стали организованно отступать ко Львову. А там началась эвакуация. Отец рассказывал, что, когда они шли колонной, в них со всех крыш стреляли. Они отходили так стремительно, что оставили склады с горючим для самолетов. Отца и еще одного человека послали их взорвать. Они выполнили задание и смогли вернуться назад в свою часть. Потом пришлось еще два раза ходить в тыл к врагу и взрывать все склады, которые были оставлены при отступлении.

Еще отец вспоминал, что недели за две до начала войны через Неман переплывали немцы, не желавшие воевать с русскими, немцы-антифашисты, и они все убеждали командиров, что война вот-вот начнется, и назы-

вали одну и ту же дату: 22 июня.

Воевал он еще до осени 1942 г. на Западном фронте в составе 18-й гвардейской дивизии авиационного полка 1-й Воздушной армии. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны II степени.

Осенью 1942 г. И.В. Сталин приказал слушателям всех академий вернуться в свои учебные заведения и отозвал их с фронта. К этому времени Военно-воздушная академия им. Жуковского эвакуировалась на Урал, в Свердловск (ныне Екатеринбург). Там отец оказался в ноябре 1942 г. У отца не было ни книг, ни конспектов, и он ходил заниматься в библиотеку старейшего на Урале вуза – Горного института, основанного еще в 1914 г. И там, под Новый год, познакомился со студенткой этого института Александрой Андреевной Доровской, которая оказалась в Свердловске в эвакуации. Познакомились в понедельник, а в субботу распи-сались. И прожили вместе душа в душу более 50 лет.

Они распи-сались и разо-шлись в разные стороны: у отца были учения, а мама проходила практику на металлургическом заводе. Через месяц папа взял

увольнительную и пошел искать свою жену. На проходной завода все были изумлены: «Как, Шура замужем?» Потом обрадовались и вместе с друзьями отца устроили им свадьбу.

Мама родилась в Воронеже. Бабушка моя, Пелагея Федоровна Енина, хорошо шила и этим зарабатывала на жизнь. Фамилия дедушки, Андрея Доровского, похожа на польскую. Знаю, что в Воронежской области был помещик с такой фамилией, по происхождению шляхтич из Польши, сосланный туда после разгрома польского восстания первой половины XIX века.

Когда началась коллективизация, швейную машинку моей бабушки конфисковали и забрали единственный сундук с нарядами. Больше у нее ничего не было. Слава богу, ее никуда не сослали и больше не тронули. После этого она и дедушка уехали с детьми (у мамы была старшая сестра Анна) в Кривой Рог, где дедушка стал работать на руднике им. Кагановича мастером, потом механиком, затем участвовал в освоении этого огромного железорудного бассейна. Они разведывали жилы, прокладывали новые шахты, и им также приходилось

уничтожать уже выработанные, пустые штольни.

В один из дней в начале 30-х годов при стечении большого количества народа проходил праздничный митинг. Дедушка с товарищами находился на трибуне. Они должны были торжественно отчитаться о проделанной работе и взорвать отработанные штольни. Причем сперва надо было взорвать верх штолен, а потом – низ, чтобы земля осела. Но все пошло не так. Они услышали взрыв и ничего не увидели, потому что кто-то поменял последовательность взрывов. Ничего не понимая, дедушка пошел посмотреть, что случилось. За ним с трибуны потянулись его товарищи. И тут взорвался верх. Они все погибли. У образовавшегося котлована родные и близкие провели две недели. Там искали, копали, но ничего и никого не нашли. В газете «Правда» было напечатано соболезнование от ЦК КПСС. Я помню только фамилию Орджоникидзе. Эта газета долго хранилась у нас, но потом мы передали ее в музей при Горном институте в Кривом Роге. Там же, в Кривом Роге, была улица Андрея Доровского и стоял памятник всем погибшим.

После начала Великой От-

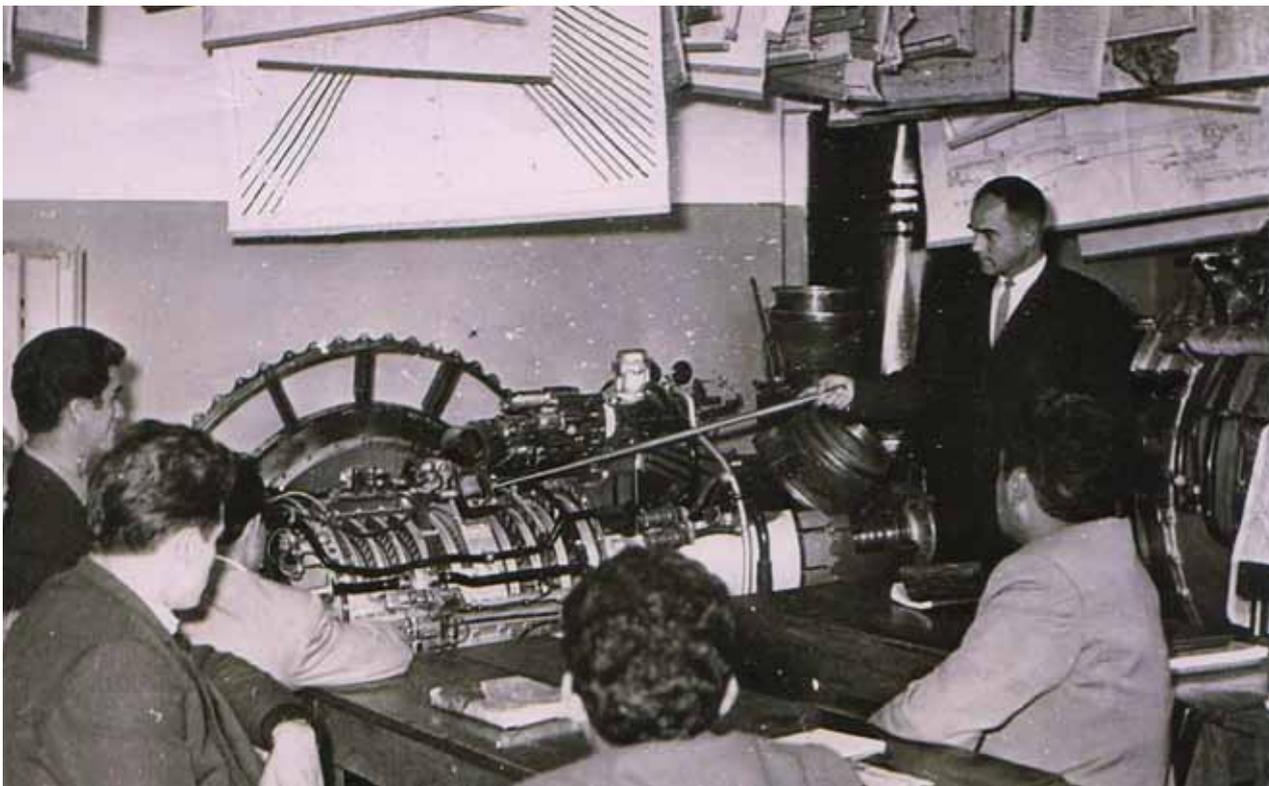
ечественной немцы продвигались очень быстро, и надо было эвакуироваться, поскольку все знали, что мой дедушка – убежденный коммунист, и в случае взятия города его семью сразу же могли расстрелять. Бабушка еле-еле успела сесть с дочерьми в последний эшелон, когда немцы уже входили в город... Осенью они оказались в Свердловске, где через год мама вышла замуж за отца. Она еще в Кривом Роге поступила в Горный институт и, приехав в эвакуацию на Урал, восстановилась на металлургическом факультете. Успела окончить 4 курса, но защитить диплом ей не пришлось.

Папа окончил Академию в 1944 г. и получил назначение в Харьков, где преподавал в Высшем авиационном училище. Там они с мамой и встретили 9 мая 1945 г. А в 1947 г. в роддоме на улице Сумской, напротив военного городка, где жили мои родители, в полночь, при свете керосиновой лампы и в страшный мороз, родилась их дочь – я.

Добавлю, что во время учебы в академии, в 1943 г., папа проходил практику в качестве инженера эскадрильи в полку «Нормандия – Неман» и хорошо знал всех французских летчи-

ков. В Харькове папа сдал кандидатский минимум, но защититься не успел – в 1949 г. был переведен в Куйбышев (ныне Самара), а потом в Вольск, где работал инспектором и был избран депутатом городского совета. В 1951 г. отца направили в Австрию в составе инспекторов аэродромов, находящихся в советских секторах (ведь Европа была поделена на секторы между Америкой, Англией и СССР).

Австрия – самые яркие воспоминания моего детства. Жили мы на вилле в Венском лесу в городе Баден-бай-Вин. Городок курортный. В центре – дворец, где принимали ванны больные аристократы. Вокруг чудесные места, красивые пейзажи. Лес очень ухоженный, даже дорожки в нем были посыпаны песком. Весной чудесно пахла и цвела сирень, белая и розовая. В парке, в центре города, – море тюльпанов и беседки, увитые гроздьями лиловой глицинии. Возили нас и на экскурсии. Например, в пещеры, где находились заводы ФАУ-2. Фашисты затопили их вместе с заключенными, которые там работали. В пещерах плыли мы на лодках, а внизу, под водой, виднелись станки, оборудование, какие-то жуткие комнаты с деревянными нарами.

Ираклий Барджадзе

Папа почти все время был в разъездах по Европе – инспектировал наши аэродромы в Чехии, Венгрии, Румынии и др.

Весной 1953 г. умер Сталин. Это было тревожное время: подняли голову фашисты. По утрам в почтовом ящике мы находили листовки с угрозами. Было страшно. А папа, как это часто бывало, находился в командировке. Главнокомандующий вызвал всех жен военнослужащих и сказал: «Вот – дорога на Вену, а вот – на восток, в Россию. Если что – бегите». Мама купила рюкзак, заполнила его изумительным шоколадом, и мы стали ждать папу. Три дня спали, не раздеваясь. Наконец вернулся отец, и мы уехали на родину. Мы с мамой – в Кривой Рог, к бабушке, а папа – в Москву, получать новое назначение. И получил его в службе военного контроля Министерства госконтроля СССР по ЗакВО. Так мы оказались в Грузии.

Прожив на Авлабаре в военном городке до весны 1954 г., получили квартиру в Сабуртало. Наш дом тогда был крайним – за ним тянулись бараки, а дальше, до озера Лиси, растянулись пустыри. Но это был

замечательный дом с замечательными людьми. Жили мы как одна большая дружная семья. Вместе делили и радости, и горести. Заказывали автобус и ездили на экскурсии – на родину Важа-Пшавела в село Чаргали, в имение Александра Чавчавадзе в Цинандали, в имение Ильи Чавчавадзе в Сагурамо. Дружно справляли свадьбы. И мою свадьбу с Ростомом Барджадзе, который тоже работал в аэропорту, справили вместе со всеми соседями.

В Грузии папа, как обычно, инспектировал военные аэродромы. И не только в Грузии, но и в Армении, и в Азербайджане. Потом работал в Кутаиси, в воинской части аэродрома Копитари.

Но в начале 1960-х Н.С. Хрущев решил сократить Вооруженные силы – из армии должны были уволить более миллиона человек. Нам предложили перевод в Казахстан, но мама категорически отказалась ехать в неизвестность, и папа ушел в отставку в чине полковника 30 августа 1960 г. Но просто жить на пенсии ему было неинтересно, и в 1960 г. он начал работать в Тбилисском аэропорту стар-

шим инженером-преподавателем. Это было как раз то время, когда на смену винтовым самолетам пришли турбореактивные (ТУ-104, например). Отец преподавал летчикам двигатели самолетов. Каждые полгода они проходили у него сборы и потом сдавали экзамен. Без его удовлетворительной оценки никого не допускали к полету.

Так прошли годы. В конце 1989 г. отец окончательно ушел на пенсию. Скончался в 2011 г., прожив яркую и интересную жизнь.

Война не обошла стороной и семью моего мужа. Его отец, Ираклий Генторович Барджадзе, прошел всю войну с 1941 по 1945 г. Воевал в составе Анапской 414-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Участвовал в битве за Севастополь, где был начальником связи.

Политруком этой дивизии был Варлам Джанджгава. Спустя годы полковник, доктор исторических наук Джанджгава, основываясь на воспоминаниях и архивных документах, напишет книгу «Керченский плацдарм» – о наших соотечественниках, воевавших в Крыму. Вот что он пишет об Ираклии Генторовиче: «Большой героизм и организаторские способности проявил командир роты связи ст. лейтенант Ираклий Барджадзе, который в жестоком бою установил идеальную связь со всеми подразделениями. На этом участке враг понес большие потери, но и нам немалой ценой дался этот успех».

Войну мой свекор окончил в звании капитана. Был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. В сентябре 1945 г. к нему в Крым приехала его невеста Мария, и они поженились. Мой муж, Ростом Барджадзе, родился уже в Тбилиси, в 1946 г. А в 1949-м Ираклий Генторович умер от последствий ранений, полученных в боях Великой Отечественной.

Так и прошла жизнь... Подрастает молодое поколение – шумит, радуется, растет.

Одна мечта: лишь бы им не пришлось пережить того, что пережили их дедушки и бабушки. Только бы больше не было войны.

КНИГИ ОТ АВТОРОВ, ИЛИ КОНЕЦ МОСКОВСКОЙ ЭПОПЕИ

■ **Нодар НИКУРАДЗЕ**

Окончание

КОРИДОР ДЛЯ СЛОНОВ

И еще об одной книге, подаренной мне автором, хотелось бы рассказать. Даже, пожалуй, не столько о книге, сколько о самом авторе – легендарном композиторе Алексее Рыбникове.

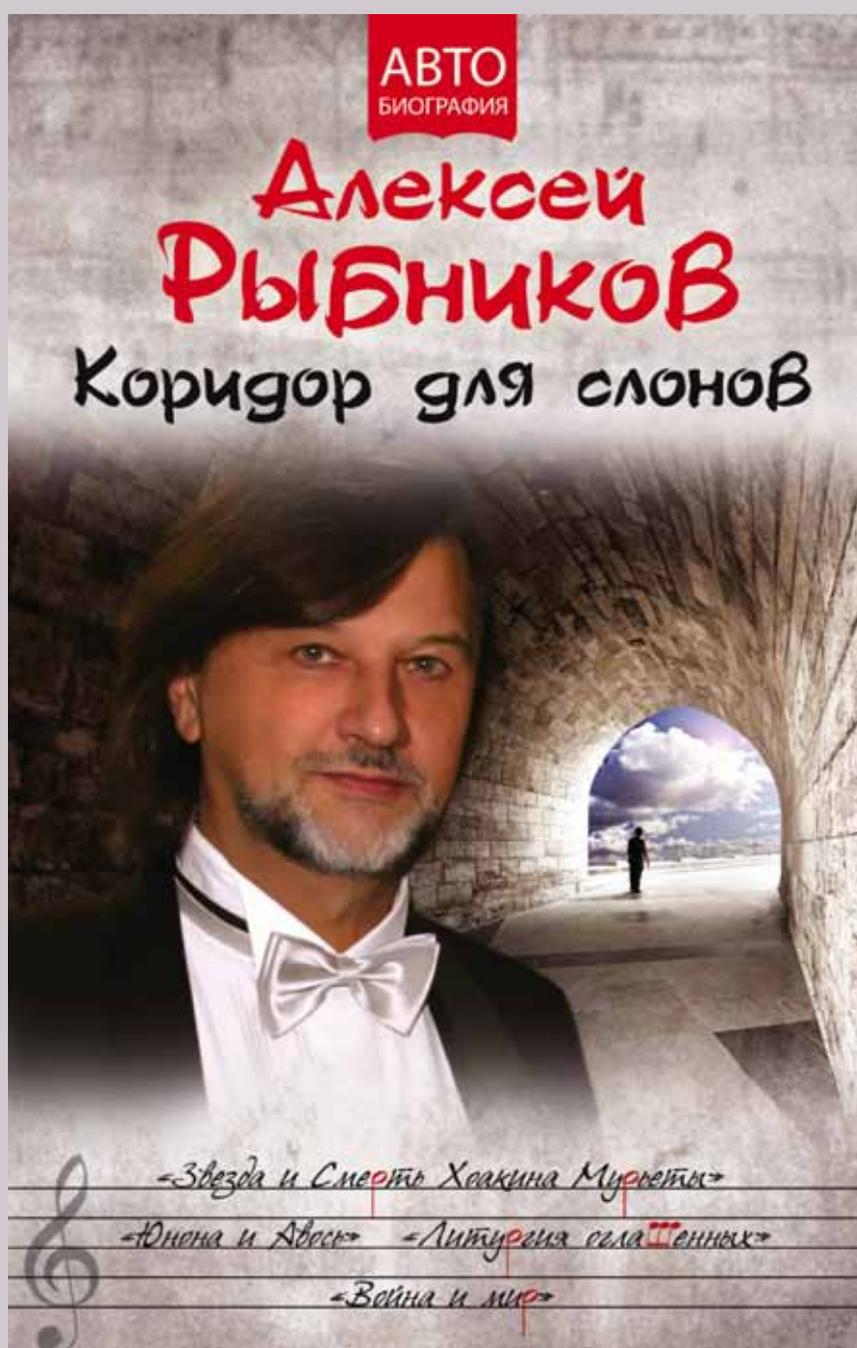
В середине октября 2015 года наш ресторан переехал на новое место (фактически мы перешли через Новый Арбат на противоположную сторону). Наши постоянные посетители последовали за нами. А так как помещение было большое, да и место видное, то количество новых гостей резко увеличилось. Среди них выделялся человек с очень светлой аурой – он всегда был в хорошем настроении, улыбался, причем не наигранно, а естественно. Конечно, мы познакомились и сразу же нашли общий язык. Это был Михаил Николаевич Кацнельсон – заместитель художественного руководителя, продюсер Театра Алексея Рыбникова. Штаб-квартира театра находилась на Большом Ржевском переулке, недалеко от нашего ресторана.

В один прекрасный декабрьский день 2015 года Михаил Николаевич вручил мне приглашение на творческий вечер композитора, который должен состояться в театре «У Никитских ворот» – вечер, подытоживающий юбилейный год Рыбникова, которому исполнилось 70 лет. К сожалению, обстоятельства сложились таким образом, что я не смог присутствовать на вечере. Я был очень, очень расстроен, и когда Михаил Николаевич спросил, почему меня не было, я объяснил причину и сказал, что никак не могу успокоиться и очень сожалею. Но он меня утешил тем, что через пару месяцев выйдет книга Алексея Львовича, и он мне ее принесет. И действительно – прошло какое-то время, и М. Кацнельсон преподнес мне

книгу А. Рыбникова «Коридор для слонов». Я прочел эти воспоминания на одном дыхании и не могу не поделиться своими впечатлениями, настолько они оказались глубокими и волнующими.

В самом начале, в главе «От автора», Рыбников рассуждает об этом странном словосоче-

тании – «Коридор для слонов». Оказывается, так называлась гостиница в самом центре острова Шри-Ланка, где он дописывал свои мемуары. Но Алексей Львович идет в своих рассуждениях дальше: «Так и видишь этих чудных благородных животных, бредущих по какому-то длинному и узкому

«Юнона и Авось»

для них коридору. Они, рожденные для того, чтобы свободно пастись в своих саваннах и джунглях, жить в мире и любви, вынуждены толкаться, мешать друг другу. Раздражать друг друга. Злиться и в конце концов начинать ненавидеть друг друга. Казалось, уберечь коридор, и вот она – свобода, вот счастье! Но правила игры таковы, что коридор становится то шире, то уже, но не исчезает никогда. Да если честно, то и боятся слоны без коридора. Привыкли. Наша жизнь, конечно, отличается от этой печальной картины. Мы любим, мы свободно творим, мы бываем безоглядно счастливы. Мы верим в то, что и нас тоже любят, ценят. Но... Если присмотреться повнимательнее... Если задуматься... Если попытаться проанализировать... Ох! Лучше не надо... Как-то спокойнее, да и безопаснее считать, что «Коридор для слонов» – это только красивое название отеля».

Этими глубокими размышлениями автор с самого начала ставит высокую планку своему произведению. И, забегая вперед, должен отметить, что вся

книга соответствует этому уровню.

Рыбников выбрал отдельные яркие эпизоды из своей богатой яркими событиями жизни – детство, первые шаги в мире музыки, рок-опера «Юнона и Авось», «Литургия оглашенных», первые американские гастроли собственного театра...

Либретто оперы «Юнона и Авось» написал Андрей Вознесенский по своей поэме «Авось», опубликованной в его сборнике «Витражных дел мастер», удостоенной Госпремии. И это был большой плюс для получения разрешения на запись рок-оперы. Но проблема была не в жанре – к тому времени рок-опера Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» уже с успехом шла в театре «Ленком». Проблема была в том, что композитор написал музыку на православные тексты. А все, что касалось церковной музыки, было под запретом: в театре, кино, средствах массовой информации. «Только в экранизациях классики, как необходимый антураж, и очень коротко! – пишет Рыбников. – Шнитке, напи-

савшего церковную музыку для фильма «Восхождение», заставили вымарать текст. В фильме звучали только бессловесные, правда, очень красивые хоры. А тут открытым текстом! Да еще в сочетании со стихами Андрея: «Российская империя – тюрьма», «Мы в одиночку к истине бредем», «Свободы нет ни здесь, ни там». А кульминацией первого акта была вообще... ария Богородицы!»

Те, кому Рыбников давал послушать отрывки из оперы, приходили в восторг. Все считали, что о таком произведении должна узнать публика. И вот один из знакомых Алексея Львовича предложил выход – через знакомство с зарубежными корреспондентами: «Надо, чтобы в мире узнали, что в совдепии пишут не только партийные гимны и песни «разлейся», «залейся», а есть и то, что делаете вы. Да и нашим тоже надо показать, кто вы на самом деле. Ведь официально вас считают автором детских песенок, каким-то кинокомпозитором.... А тут такая потрясающая церковная музыка, арии, симфонический оркестр.

Это точно не должно пропасть!»

К тому времени Рыбникову было тридцать пять лет. Жил он в престижном доме на Смоленской набережной с видом на Москву-реку и гостиницу «Украина» с любимой семьей – женой и двумя детьми. У него была обставленная антикварной мебелью прекрасная четырехкомнатная квартира, приличный заработок от музыки в кино. Рыбников понимал: из-за внимания западной прессы он может все это потерять. Но осознанно сделал ставку – ставку на «Авось». Через пару дней знакомый привел московского корреспондента «Ассошиэйтед Пресс». Потом появился корреспондент из газет The Sun, The New York Times, радио Westdeutscher Rundfunk. Последовали приглашения на домашние «пати» у журналистов, знакомства с дипломатами...

А тем временем в студиях государственной фирмы «Мелодия» уже шла фактически подпольная (по вечерам, за бутылку водки вахтерам) запись «Авось» – соответствующее оборудование, позволяющее произвести запись на современном уровне, было только там. И неизвестно сколько бы это еще продолжалось, если не молодой литературный редактор Е. Лозинская, которая прослушала оперу. Она сказала Рыбникову, что он гений, произведение потрясающее и она сделает все, чтобы оно увидело свет. Работа закипела. И через год у композитора были две картонные коробки с записью «Авось». Но было ясно, что худсовета не миновать. А там может произойти все – вплоть до попадания в черный список. И никто никогда не узнает о существовании этой рок-оперы. А что же хваленые западные корреспонденты, спросите вы? Ничего. По словам Рыбникова, кроме рукопожатий и похлопываний по плечу – абсолютно ничего.

И тут сотрудники филиала музея Рублева приглашают его на творческую встречу. Музей находился в церкви Покрова на Филях. И Рыбников подумал – а что если устроить в церкви прослушивание «Авось»? Да, конечно, это будет последнее прослушивание, но коли погибать,

так с музыкой.

Встречу назначили на 10 декабря 1980 года. Композитор пригласил на встречу не только своих близких друзей – актеров Г. Хазанова, И. Муравьеву, И. Ясуловича, поэта Ю. Энтина, кинооператора И. Клебанова, кинорежиссера В. Грамматикова, но и знакомых зарубежных корреспондентов. И все пришли! Однако туда же прибыли и сотрудники КГБ, которые категорически потребовали, чтобы Рыбников лично выдворил иностранцев. «Но отступить мне было никак нельзя!» – пишет он. Переговоры длились минут 20, в итоге «сотрудники» уехали, и вечер состоялся, и жизнь «Авось» началась.

Все выше сказанное является ярким примером проявления характера Алексея Львовича, который при всей своей интеллигентности и деликатности способен принимать бескомпромиссные решения в творческих вопросах.

Он описывает в своей книге, как не раз попадал в сложные ситуации, вызванные недобросовестным директором его театра (тот просто «кинул»), или непорядочным продюсером гастролей в США, который оплатил аренду только первого зала и исчез, а персонал труппы театра в 60 человек остался фактически на улице, или когда ему посоветовали вложить деньги в издательскую деятельность, а прибыль потратить на обустройство театра – и ничего из этого не вышло, одни убытки. Но, казалось, в самых безвыходных ситуациях жизнь все-таки давала шанс на спасение, и Рыбников всегда им правильно пользовался. Да и фортуна была на его стороне.

Не обходили его и мистические случаи. В феврале 1981 года он заболел. Врачи поставили диагноз – желтуха. Но вирусов А, В или С так и не нашли, и решили, что это что-то злокачественное. Однако одновременно с Алексеем заболели и супруга, и дети, в более легкой форме. Состояние же Рыбникова все ухудшалось. Он похудел на 20 кг, полностью обессилел и был на грани жизни и смерти. И тут к нему в больницу пришла Злата, супруга Г. Хазанова, с

каким-то молодым человеком «Злата была очень серьезна. – Это Леонид, он может тебе помочь. – Расскажите, что с вами. – Его голос звучал очень тихо. Я начал рассказывать про диагнозы, но он меня прервал: – Не надо об этом. Что в ваших анализах не в норме? – Билирубин. У меня он шестнадцать единиц. – А какая норма? – Единица. – Через неделю у вас будет единица. – Как? Что мне нужно для этого делать? – Ничего. Каждый день с семи до восьми вечера лежите, старайтесь ни о чем не думать и представляйте, что видите меня. – И это все? – Да». Они ушли. Через неделю все показатели пришли в норму. Выздоровели и жена, и дети. Вот такое мистическое происшествие...

А пока композитор лежал в больнице, произошло еще одно чудо – в театре «Ленком» Марк Захаров приступил к постановке спектакля «Юнона и Авось». Говорили, что запись слушали и в КГБ, и в разных комиссиях ЦК партии, и даже прокрутили самому Сулову (он был секретарем ЦК КПСС по идеологии, один из самых влиятельных персон в СССР). Скандала с диссидентским акцентом вокруг оперы решили не делать. Мол, произведение в общем-то патриотичное. Но потом произошло совершенно немислимое – спектакль был принят комиссией без единой поправки! И 9 июля 1981 г. состоялась премьера! «Да, премьера была потрясающей, – вспоминает Рыбников. – Но вместе с ней произошло и нечто другое, чего я никак не мог ожидать. В этот вечер мы навсегда расстались с «Ленкомом», с Захаровым, с прекрасными актерами, с которыми хотелось работать и работать. Спектакль начал свое триумфальное существование. Были победные гастроли в Париже, Нью-Йорке, Амстердаме. Были награды, государственная премия для создателей спектакля – меня в списке награжденных, конечно не значилось. Но это уже была история «Ленкома», и кто-то очень постарался, чтобы я не имел к ней никакого отношения».

Согласитесь, это возмутительно! Это просто нонсенс,

А. Рыбников, М. Захаров, А. Вознесенский и Н. Караченцов

абсурд – игнорировать заслугу композитора в успехе оперы, музыкального фильма, отодвигать его на задний план, а тем более – вообще его не упоминать. А ведь так произошло и с фильмами «Приключения Буратино» и «Про Красную Шапочку» (кто из нас не помнит, не любит изумительных песен, написанных Рыбниковым для этих картин!) – их режиссеру Л. Нечаеву впоследствии единолично вручили Государственную премию за эти картины. Впрочем, знающий читатель вспомнит и другие вопиющие примеры такого рода из советского прошлого: Микаэл Таривердиев, автор всеми любимой музыки к фильмам «Семнадцать мгновений весны» и «Ирония судьбы», тоже был обойден наградами – Госпремии в обоих случаях получили режиссеры, операторы и исполнители главных ролей.

Однако вернемся к «Коридору для слонов». Больше всего в этой книге меня поразили и заинтересовали социально-философские рассуждения Алексея Львовича. В разделе «Нелирическое отступление», в контексте рассказа о своей опере «Литургия оглашенных», он затрагивает фундаменталь-

ные вопросы мироустройства. Фактически проводит краткий анализ существующих положений с точки зрения религий и науки. «Наука стала в основном прикладной и эксплуатирует откровения, по-другому не назовешь, великих ученых пошлых лет, – пишет Рыбников. – Некий застой. Надолго? А может, есть предел познанию мира человеком? Все системы политического мироустройства оказались несостоятельными. И тоталитарные режимы, и демократия. Вот зато экономика! Один непрекращающийся кризис. А уж про моральные устои и говорить нечего. И полный тупик в самом тонком проявлении человеческого интеллекта – искусстве. Новые поколения – дети этой системы мышления – оказались не в состоянии сами создавать художественные ценности и занялись переработкой, а в основном уродованием того, что им досталось от прежних поколений. Крах атеистического мировоззрения во всем. Разворот мировоззрения в сторону тьмы». И далее Алексей Львович предполагает: «Мир, объективный мир существует независимо от нашего представления о нем. Понять этот объективный

мир через все возможности, которые присущи природе человека, через науку, религию, искусство, без всякой предвзятости! А может, это возможно? И может, только на стыке всех способов познания мира и будут сделаны новые открытия, и ответы на неразрешимые вопросы будут так просты и очевидны. И зазвучит новая музыка. И будут написаны новые стихи и поэмы. Да и политические конфликты покажутся нелепыми. И окажется, что мы все друг к другу лучше относимся, чем думаем сейчас. А при таких условиях и экономика перестанет держать всех за горло. Стоит только поменять мировоззрение. Вот только сколько столетий на это уйдет? Но капля камень точит. Я писал «Литургию» и делал театр, чтобы эта капелька все-таки как-то просочилась в сознание, и кто-то задал себе первый вопрос... Маленькая капелька из будущего сверхнового мировоззрения».

Как это все удивительно перекликается с философией Александра Зюзикова, который много лет шел именно к этой цели – разработке нового объективного мировоззрения. И не без успеха.

В следующий приход к нам М. Кацнельсона я горячо поблагодарил его за книгу, рассказал, какое огромное удовольствие получил при чтении, восхищался личностью Алексея Львовича, его многогранностью и глубиной мышления.

Через некоторое время Михаил Николаевич появился снова и говорит: «Я передал Алексею Львовичу ваши впечатления от книги, и он решил прийти, познакомиться и подписать вам книгу». Я даже растерялся от неожиданности: «Что вы! Мне очень неловко. Такой занятой человек – и вдруг собирается прийти, специально...» Но Кацнельсон прервал меня: «Раз он решил, то придет. Так что пусть книга будет у вас под рукой».

И вот в один прекрасный день заходит ко мне в кабинет метрдотель и говорит, что меня спрашивает какой-то мужчина. Выхожу в зал – и вижу Алексея Львовича. Я засуетился, предложил сесть за стол, подбежал официант, но Рыбников от всего отказался, и мы сели на диван. Я выразил свое восхищение его философскими воззрениями, спросил о его ближайших планах. Рыбников сказал, что начинает работу над фильмом «Дух Соноры» по мотивам рок-оперы «Хоаким Мурьета» и оперы «Литургия оглашенных», причем впервые выступит в качестве продюсера и режиссера, ну и музыка, и сценарий, само собой, тоже его. Потом он взял книгу и подписал: «Дорогому Нодару от автора. Очень, очень мне дорого, что Вы так заинтересованно отнеслись к тому, что я пишу. Счастья, удачи и Божьей помощи!!! (подпись) 31.05.2016». По-моему, очень добрая и искренняя подпись.

Удивительно, от Алексея Рыбникова исходит море обаяния, и, вместе с тем, я чувствовал его несгибаемый внутренний стержень...

КОНЕЦ МОСКОВСКОЙ ЭПОПЕИ

На этом было бы логично поставить точку. Но, поскольку единственная дама, которая сегодня в меня влюблена, в данный момент находится со мной – я воспользуюсь ее присут-

ствием. Пока прекрасная Муза меня не покинула, напишу еще кое о чем.

В своей книге А. Рыбников несколько раз упоминает своего друга, кинорежиссера Владимира Грамматикова. Он иногда приходил к нам обедать под рюмку водочки. В последний раз его я видел в середине ноября 2016 года. Я отметил его прекрасный загар, а он объяснил: «Был в Израиле. Там тепло – 27 градусов, а температура воды – 24. Позагорал, пообщался с родными. У меня пять внуков и даже один правнук. У кого есть правнуки, тем прямая дорога в рай. Их не проверяют. Так что рай мне гарантирован». – «А сколько у вас детей?» – «Два сына». – «И у меня два сына, но я еще даже не дед, к сожалению». – «У вас все впереди».

Через полтора месяца, в конце декабря, я улетел в Тбилиси. Я всегда старался встречать Новый год с мамой, затем 13 января мы праздновали ее день рождения, а спустя неделю я возвращался в Москву. Так планировал сделать и в этот раз.

Встретили Новый 2017 год. Потом отметили 90-летний юбилей мамы. Она прекрасно выглядела, до конца вечера сидела с нами за столом и пригубливала шампанское. Когда пили за здоровье моего дяди (он на 6 лет младше мамы), я, цитируя Грамматикова, сказал, что поскольку он уже прадед, то ему уготовлено место в раю (слова Грамматикова я намотал себе на ус). Мама забеспокоилась, но я ее успокоил: «И ты будешь в раю. Скоро, в марте, станешь прабабушкой». (11 марта родилась моя первая внучка – Виктория. Кстати, когда через два года ее впервые постригли, я впервые написал что-то типа стишка: После стрижки / У любимой внучки / Ви-ки / Горят глазки, / как угольки!)

Три недели прошли быстро, и надо было возвращаться в Москву. Но что-то екнуло у меня в сердце. Возникли сомнения. Мама для своего возраста чувствует себя хорошо. Она под опекой моего брата – врача. Можно собираться в Москву. Но в Москве мои сыновья уже твердо стоят на ногах. Я им осо-

бенно уже и не нужен. Можно остаться в Тбилиси. Но в Москве у меня неплохая работа, хороший коллектив, общаюсь с интересными людьми. Есть куда пойти: музеи, выставки, театры. Надо ехать в Москву. Но ведь все это есть и в Тбилиси – музеи, выставки, театры, интересные люди. Правда, не в таком количестве... Ну а самое главное в Тбилиси – это мама. Общение с ней. Но ведь и в Москве каждый мой день начинался со звонка маме. Каждый день! От всех этих мыслей и рассуждений у меня началось какое-то раздвоение. Потом я подумал: если с мамой что случится – никогда себя не прощу! Взял телефон, позвонил на работу и сказал: «Я остаюсь в Тбилиси!»

P.S. На вопрос, кто попадает в рай, а кто в ад, протоиерей Димитрий Смирнов отвечал: «Дело в том, что после смерти никто никуда не попадает. Это просто такое условное название, которое взято из Священного Писания, но это для того, чтобы человеку было удобнее понять. Человек, который творит правду Божию, угодил Господу, и Господь берет его к Себе. То есть берет туда, где Он Сам с ангелами пребывает. А тот, который не угодил, туда не попадает. Мы, люди, условно называем первое – раем, а второе – адом. Ад – это место, где нет Бога. Рай вообще у нас в сердце, и не мы в него попадаем, а он в нас. Если у нас в сердце зависть, обида, осуждение, скверные слова, лень, то что у нас внутри? У нас внутри ад. Мы наследуем то, что у нас внутри. Не то что человека берут и переносят, как дерево пересаживают с одного места на другое. Нет, совсем не так. Человек в течение жизни сам в своем сердце либо выращивает прекрасный сад, где прекрасные растения, изумительные цветы добродетели, благоухания всяких прекрасных поступков, либо выращивает все отвратительное: грязные слова, хамство, грубость, злобу и так далее (значит, он выращивает в себе ад). Поэтому никто никуда не попадает, сам человек это взращивает в себе».

Лариса Сулханишвили

С МЕЧТОЙ О ПТИЦЕ СЧАСТЬЯ

■ Наталья КОЛОМОЙЦЕВА

Бывают люди, которые не могут жить без творчества.

Лариса Сулханишвили, несмотря на все потрясения в своей жизни, живет именно творчеством. Судьба одарила ее сразу несколькими талантами – Лариса рисует, пишет стихи, поет, создает кукол...

Окончив музыкальное училище, она по семейным обстоятельствам не поступила в консерваторию. Но рук не опустила и всю себя отдавала семье, детям и, конечно, искусству.

Прожив большую жизнь, передала своей старшей дочери, Тамаре Сулханишвили, дар художника, и Тамара участвует в выставках, ведет активную творческую жизнь.

А Лариса продолжает создавать картины: пейзажи, на-

тюрморты, цветы, и все они – очень яркие и самобытные. А какие «портреты» животных! Они очень выразительны и полны теплоты, красоты и радости жизни.

Лариса Сулханишвили участвует и в общественной жизни города – стала солисткой Общества 60+, и ее чудесный голос и музыкальность дарят истинное наслаждение ее друзьям.

Недавно в Литературном музее прошел творческий вечер нашей поэтессы Марины Шенгелия. На ее стихи Лариса исполнила романс: „სიყვარულის ხანგებო“. Музыку написала Маквала Хорбаладзе.

С юности мы живем и мечтаем о белой птице счастья.

Эта птица кружит и кружит над нами и так хочется, чтобы

она, наконец, нашла свое гнездо, свой дом.

Об этом мечтает и Лариса. Так хочется, чтобы у нее сбылось все, о чем она мечтает – о белой ли птице, о радости, о счастье. Пусть эта белая птица найдет свой дом у нее.

Как в стихотворении «Белая птица»:

Белая птица в полете.

Она не знает преград.

*Ей вольно там и просторно
и воздуха много ей там.*

И крыльями машет так

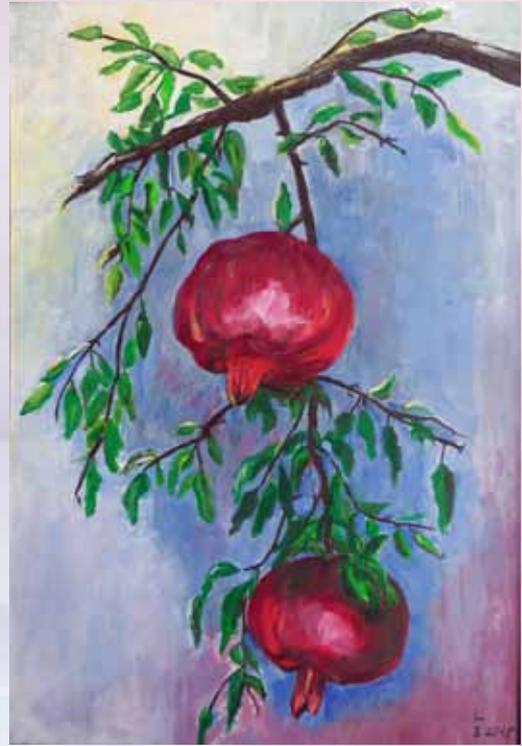
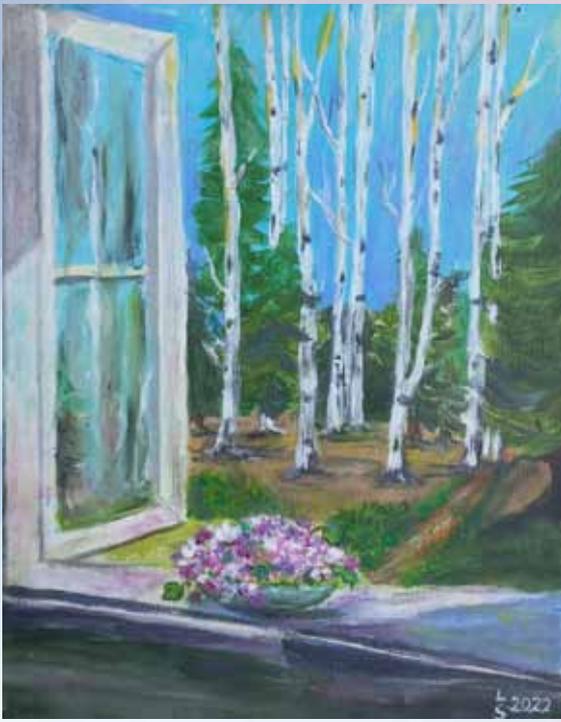
плавно

и в небе кружит так легко:

ей все равно, что будет

завтра,

ей и сейчас хорошо.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Вера без дел мертва есть

Иносказательное выражение о том, что если человек, которые называют себя верующими, не воплощает свою веру в реальные дела, то такая вера равна безверию.

Источник: Библия, Новый Завет, Послание апостола Иакова (2:17-20, 2:26). «Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела»: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?.. Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва».

Вера горами движет

Образное выражение об убежденности в своей правоте и правильности выбора, которая помогает преодолеть все трудности

Источник: Библия, Евангелие от Матфея (17:20). «Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».

Вергилий

Иносказательное или шутовское определение опытного знающего проводника в незнакомой среде или советчика в сложной ситуации.

Публий Вергилий Марон (70-

19 до н.э.) – великий римский поэт, автор «Энеиды». Данте Алигьери (1265-1321) в своей «Божественной комедии» выбрал себе в качестве проводника в странствиях по загробному миру именно Вергилия.

Примеры употребления: «Веди меня, Вергилий, в этот ад!» (А. Галич), «Он как бы стал моим Вергилием, моим эго, моим отношением к жизни, к искусству» (Р. Балаян о О. Янковском), «Мы отправляемся в большое литературно-историческое путешествие по Андалусии. Наши коллеги и друзья предложили роль Вергилия в этом странствии мне» (А. Захарян), «Юлий Ким будет сегодня нашим Вергилием, нашим гидом по истории бардовской песни и, вообще, по истории этого жанра и по истории оппозиционного движения в Советском Союзе» (Радио Свобода).

Вернемся к нашим баранам

С французского: *Revenons (retournons) a nos moutons.*

Шутовский призыв вернуться к сути разговора.

Источник: французский средневековый фарс об адвокате Патлене. Некий богатый суконщик привлек к суду пастуха, укравшего у него трех баранов. Но на слушании суконщик, забывая о своей тяжбе, осыпает упреками защитника пастуха, адвоката Патлена, который не уплатил ему за шесть локтей сукна. Судья вынужден прерывать суконщика, требуя «вернуться к нашим баранам».

Вернись, я все прощу!

Иронический призыв к примирению.

Источник: романс Бориса Прозоровского на стихи Владимира Ленского (1900-е гг.).

*Вернись, я все прощу:
Упреки, подозренья,
Мучительную боль
Невыплаканных слез...*

Веселие Руси есть пити

Ироническое оправдание любителей выпить.

Источник: летопись «Повесть временных лет» древнерусского летописца Нестора (XI-XII вв.). Выбирая веру для Руси, киевский князь Владимир Святославович, отказавшись от принятия мусульманства, которое запрещало употребление вина, и предпочел православие, поскольку православная церковь не только не запрещает употребление вина, но даже использует его в обряде причастия. «Руси есть веселие пити, не можем без того быти», – сказал князь Владимир.

Весомо, грубо, зримо

Иносказательная характеристика чего-то очень убедительного и наглядного.

Источник: поэма В.В. Маяковского «Во весь голос».

*Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо, зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.*

26 აპრილი
26 апреля

ს. ალექსიევიჩი
**ჩერნობილის
ლოცვა**
დრამა

С. Алексиевич
**ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ
МОЛИТВА**

Драма

Режиссер-постановщик
НИКА ЧИКВАИДZE

დამდგმელი რეჟისორი
ნიკა ჩიკვაიძე

3 პარ. სტ.	რ. კლდიაშვილი P. Kldiashvili 19.30	ჩემი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)	
4 შაბ. სბ.	მ. გავრანი M. Gavran 19.30	ერთი დღე მარიას ცხოვრებიდან მელოდრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МАРИИ Мелодрама в одном действии (Малый зал)	
5 კვ. ვსკ.	ა. გრინი A. Grini 13.00	ალისფარი იაღქნები მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка в одном действии (Малый зал)	
17 პარ. სტ.	ა. ოსტროვსკი A. Ostrovskiy 19.30	ჭაქა-ქუსილი დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ГРОЗА Драма в двух действиях (Малый зал)	
18 შაბ. სბ.	ი. ბუნინი I. Bunin 19.30	სიყვარულის ხიზნები საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	АЛЕИ ЛЮБВИ Романе истории в двух действиях (Большой зал)	
19 კვ. ვსკ.	ნ. კალატოზი N. Kalatoshvili 13.00	მძინარე მზათუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
24 პარ. სტ.	ს. შროვკაი S. Shrovaik 19.30	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	
25 შაბ. სბ.	ნ. კაუარდი N. Kauardi 19.30	სიყვარულის აჩრდილი წმინდა ინგლისური კომედია ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ПРИЗРАК ЛЮБВИ Чисто английская комедия в двух действиях (Малый зал)	
26 კვ. ვსკ.	პ.-ჟ. ანდერსენი P.-J. Andersen 13.00	თოვლის დედოფალი მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА Музыкальная сказка в одном действии (Большой зал)	
26 კვ. ვსკ.	ს. ალექსიევიჩი S. Alexievich 20.00	ჩერნობილის ლოცვა დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)	

